

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/3154>

Молоко

Направленность: Слэш

Автор: WILLow_W (<https://ficbook.net/authors/1123>)

Беты (редакторы): Sao-san (<https://ficbook.net/authors/162975>)

Фэндом: Ориджиалы

Пейринг или персонажи: Никита/Саша

Рейтинг: NC-17

Жанры: Ангст, Повседневность, POV

Предупреждения: **BDSM**, **Изнасилование**, **Инцест**, **Нецензурная лексика**, **Underage**

Размер: Миди, 50 страниц

Кол-во частей: 4

Статус: закончен

Описание:

Александр Стах переезжает жить к своему брату, о котором до недавнего времени даже не подозревал. Никита Андреев — занятой молодой человек, которого не радует появление обузы в лице младшего брата. Но, так или иначе, начинаются их не самые простые отношения.

Посвящение:

Моему терпению и терпению Sao-san.

Публикация на других ресурсах:

Разрешено только в виде ссылки

Примечания автора:

Рецензия от kittymara на сие «творение»:

<http://nezoomi.diary.ru/p204154474.htm>

Другие рассказы с предупреждением «инцест»:

Слэш:

Неправильная семья

<https://ficbook.net/readfic/213152>

Из цикла «Сказки слэшера» рассказ «Зол уш`Ка»

https://ficbook.net/readfic/7516/4889451#part_content

Гет:

Сестрички

<https://ficbook.net/readfic/772603>

ТОС

ТОС	2
Глава 1. Встреча — расставание с душой	3
Глава 2. Врозь — тепло тела, холод души	15
Глава 3. Воссоединение — притяжение душ	31
Глава 4. Вместе — раскрывая души	45

Глава 1. Встреча — расставание с душой

Меня зовут Саша, Александр Анатольевич Стах. Правда, Александром меня никто, кроме брата, не зовет. Учусь в девятом классе.

Свое повествование я начну с появления брата — поворотного события моей жизни. До него у меня была только мама. Отец, Анатолий Степанович, был птицей залетной, разъезжая на своей фуре по всей стране, и я никогда не воспринимал его частью своей семьи. Он был человеком, которого я практически не видел, потому что во время его появления у нас дома меня отсылали в мою комнату или гулять на улицу. На меня он даже не смотрел, а мама говорила не лезть к нему. Вот так и получилось, что с родным отцом за всю жизнь я не имел ни одного разговора, довольствуясь его приветствием и прощанием. Когда же мне исполнилось семь, он исчез — уехал работать в Финляндию и больше к нам не возвращался. Можно сказать, что на этом гражданский брак моих родителей распался.

О том, что у меня есть брат, которого зовут Андреев Никита Андреевич, я узнал полгода назад. Когда от туберкулеза умерла мама. На тот момент родственников в стране у меня не оказалось, и я временно попал в приют для сирот, пока всякие службы искали моих родственников. Я говорил им, что не хочу туда, но меня не слушали. Меня никогда не слушают.

Это был ад! Озлобленные, жестокие дети. Они все были одинаковыми, обзывались... «неженка» и «слабак» было самым распространенным обращением. Я им не нравился. Наверное, это был для меня шок. Я до сих пор смутно помню тот период, видимо, сработал инстинкт самосохранения, и сознание отвергло травмоопасные воспоминания. Конечно, ничего такого уж страшного со мной не произошло, я же несовершеннолетний и закон должен меня охранять. Но та неделя навсегда останется моим кошмаром. Чем часто пользуется эта скотина, мой брат!

Он появился под стягом спасителя, в непрошибаемой броне самодовольства и самоуверенности, с паршиво воняющим клинком его справедливости и власти. Этот ублюдок имел наглость осведомиться, каково мне приходится, он не собирался меня оттуда вытаскивать, чем меня теперь каждый день попрекает! Я просто не выдержал тогда. Мне было всё равно, что я его никогда не знал, что он был неприветлив и что смотрел на меня с плохо скрываемым пренебрежением и злостью. Я хотел, чтобы меня забрали. Неважно, кто и куда. Мне казалось, любое место будет лучше, чем приют.

Тогда-то я и узнал, что у мамы до нас с отцом была другая семья. До моего появления в ее жизни был другой сын — Никита и другой муж — Андрей Сергеевич Андреев. Она родила рано, в шестнадцать лет. И со слов Никиты материнский инстинкт у нее отсутствовал напрочь. Впрочем, его злые слова по отношению к маме не сильно меня заделали, потому что со мной она вела себя так же, а именно: снабжала всем необходимым и предоставляла самому себе, не особенно вникая в мои дела, типа оценок, поведения и наличия друзей-приятелей. Я чаще был с ровесниками и их родителями, чем со своей семьей. А у Никиты был любящий отец, который мог о нем позаботиться.

Моя мама и папа Никиты жили бедно, родственники были против столь раннего брака и поддержку молодой семье не оказали. Помогала им только бабушка Андрея Сергеевича, но маму она не любила. Все это тянулось на протяжении десяти лет, пока в один прекрасный день мама не сбежала с моим отцом. Мыльная опера? Для меня так оно и было. Все это произошло до меня и, следовательно, никаких эмоций у меня не вызывало. Зато мой вновь приобретенный брат все это видел и прочувствовал на своей, тогда еще детской, психике. Понятное дело, что внезапно объявившийся блудный брат в моем лице — сын беглянки, его, мягко говоря, не обрадовал.

После пережитого в приюте квартира Никиты была для меня раем. И даже этот злыдень не мог испортить только начавшую налаживаться жизнь. Пришлось переехать в другой город, сменить круг общения и поначалу меня это только радовало. Но постепенно... жизнь бок о бок с Никитой становилась всё невыносимей и невыносимей. А теперь я даже видеть его не могу!

Впрочем, надо отдать ему должное, дома он бывает нечасто. Зато когда бывает, мы ссоримся в пух и прах! Наверное, он меня просто ненавидит. А когда я вижу его осуждающий взгляд, полный презрения, будто обвиняющий в самом факте моего существования... я срываюсь.

Ну, в чём я виноват? Почему не могу молча сносить его присутствие? Я даже понимаю, что во многом не прав. Что если бы придержал язык за зубами, мы бы не так часто ссорились. И я бы даже смолчал... С любым другим. Но не с ним.

* * *

Очередная командировка брата растянулась на неделю. Вы думаете, я скучал? Ничуть! А даже если такие мысли и мелькали в моем сознании, стоило только вспомнить его вечно недовольную физиономию, как они испарялись. И вот он вернулся.

Я ждал. Но всё равно вздрогнул, когда ключ врезался в замочную скважину. Меня била нервная дрожь, успокоиться никак не получалось.

— Здравствуй, Александр, — взгляд серых глаз даже не задержался на мне, скользя по комнате в поисках кресла, в которое Никита незамедлительно упал, ослабляя галстук и расстёгивая верхние пуговицы рубашки.

Ненавижу, когда меня так называют! Но спорить бесполезно. Пробовал. И это всегда приводило к ссорам, потому что он упертый баран!

— Хаюшки! — поздоровался и я.

— Судя по тому, как ты трясешься, в дневнике порядочно замечаний, — лёгкая усмешка появилась на четко очерченных губах, но взгляда он так и не поднял.

Интересно, это вопрос, утверждение или издёвка? Чего он ждёт? Что я опять буду оправдываться, спорить, или что сразу полезу на рожон? Нет! Молчать. Надо молчать.

Спор он все равно повернет в свою пользу.

— Я устал. Неси дневник, — заявил Никита.

Дневник был уже приготовлен к экзекуции вместе с ручкой. А то, что он устал, мне по барабану. Думает, я из-за этого молчать буду? Держи карман шире!

Однако, наученный горьким опытом, я предпочел не нарываться и просто отдал ему дневник. Никита быстро просмотрел его, а потом расписался везде и, что самое странное, тоже молча, вернул.

— А... ты разве ничего не скажешь? — я был очень удивлён. Потому и не сдержался, хоть и обещал себе слова ему не говорить.

Он соизволил поднять на меня взгляд... И я сразу почувствовал, что не могу пошевелиться. Будто меня придавило к полу роялем.

— Разве мои слова что-то изменят?

— Нет, конечно. Просто, странно, что ты это только сейчас понял, — я что, опять что-то ляпнул? Чёрт! Надо молчать!

— Полагаю, в ближайшие лет двадцать ты так и останешься грубым, невоспитанным мальчишкой.

Грубым, невоспитанным? Да он шутит! На него никакой воспитанности не хватит. Мальчишкой! Но прежде чем я успел что-то сказать...

— Всё. На этом дискуссия окончена. Марш спать, — распорядился Никита.

Против его строгого тона и прямого взгляда я ничего не мог. Потому, нахмурившись, поплёлся в постель. Но был так зол, что заснуть никак не получалось.

Вспомнилось, что в таких случаях помогало тёплое молоко. Я встал и пошел на кухню. Включил свет и резко зажмурился. М-да, время было полтретьего, уже сегодня в школу, а это значит, что я точно не высплюсь.

Добравшись до холодильника, я достал молоко и стал пить большими глотками. Ну и что, что оно не тёплое? Главное — моральный эффект.

— Молоко из холодильника, да ещё большими глотками — верный способ простудиться. Решил школу прогулять? Думаешь, это тебя спасёт? — неожиданно раздался голос Никиты.

Я выронил упаковку и очутился посреди молочной лужи. Правда, это прошло мимо меня. Вид полуголого брата перетянул все внимание на себя. Он что, спит без пижамы? Никогда не задумывался, в чём он может спать, прочно ассоциируя его с деловым костюмом. Я его даже в джинсах, если подумать, ни разу не видел. Но эти мысли были

где-то на периферии сознания. Взгляд застыло на голом торсе, в голове все плыло, сердце по ощущениям застучало где-то в горле, а ноги почему-то подкашивались... Последним, что врезалось в память, была быстро приближающаяся лужа молока.

* * *

Очнулся я уже в своей постели. Нагишом, укрытый только одеялом. Сел, отчего меня противно замутило. Открылась дверь, зашёл Никита в пижаме.

— А вот об обмороках меня никто не предупредил, — кажется, он был сильно раздражён.

— Я что, в обморок упал? — не поверил я, ведь раньше за мной такого не водилось.

— Ну, а как ты, по-твоему, в постели оказался? — вот же дурацкая привычка отвечать вопросом на вопрос. — Как ты себя чувствуешь?

— Хм... неплохо. Думаю, теперь я засну, — меня такая слабость взяла, что глаза сами собой закрывались.

— Так вся эта история из-за бессонницы, — похоже, что он уже обдумывал, как меня прибить понадежнее. — Ладно, надевай пижаму и ложись.

Я понял, что до пижамы сам ни за что не доберусь. Кажется, до Никиты это тоже дошло. Он достал из шкафа пижаму и трусы. Подошёл к кровати и наклонился надо мной. Достигший меня запах был очень приятным, хотелось уткнуться в его источник носом и вдыхать в полную силу лёгких... Резким движением Никита сдернул одеяло, в которое я был укутан, и схватил меня за ногу. Казалось, от его прикосновения дёрнуло током — тряхнуло, так, что сердце на мгновение остановилось, а в голове сразу прояснилось.

— К-какого?.. — задыхаясь, я испуганно уставился на него.

Никита нахмурился.

— Тогда одевайся сам, — он швырнул мне пижаму, вместе с трусами и вышел из комнаты.

Спать снова расхотелось. Сердце билось, как сумасшедшее, и я тупо пялился в темноту.

* * *

Зазвонил будильник. Зараза, как же хотелось спать! Пока собирался, думал, что лучше бы меня пристрелили.

— Доброе утро! — за столом уже восседал довольный жизнью Никита. Сволочь. Как он смел быть таким свежим и бодрым?!

«Чтоб ты провалился!» — подумал я и плюхнулся за стол. Как и всегда, когда брат был

дома, завтрак больше напоминал пир в миниатюре. После еды стало немного лучше, но что-то определённо было не так.

— А как насчёт благодарности? — долетел до меня голос Никиты при попытке вывалиться из-за стола.

Собака! Какая благодарность с утра пораньше? В общем, я уже был готов высказать всё, что думаю относительно «доброе утро» и «милого братца». Но не тут-то было... Открыв рот и задействовав голосовые связки, я наконец-то понял, что меня беспокоило всё утро. Разумеется, не считая того, что я не выспался. У меня не было голоса, а горло от напряжения заболело так, что на глаза навернулись слёзы.

— Та-ак... Молоко, — с лица Никиты мигом слетело самодовольное выражение, брови грозно сошлись на переносице.

Уже через полчаса приехала скорая. Никита орал сначала на меня, потом на кого-то по телефону — этому кому-то досталось больше, чем мне. Но хуже всего пришлось врачам скорой помощи, потому что, по мнению «его величества», они опоздали. Из-за всей этой суеты и шумихи можно было подумать, что я как минимум при смерти. Однако врач видно сталкивался с такими тиранами и попытался поставить разошедшегося брата на место... Но он не рассчитал, с кем связался, и вскоре был вынужден согласиться с тем, что виновен во всех смертных грехах. После чего, наконец, Никита позволил ему меня осмотреть под своим неусыпным надзором — как будто меня бы съели, если бы он отвернулся хоть на минуту.

Сначала было горло. Довольно болезненно, но терпимо. Затем врач велел снять рубашку. И тут я завис. Странно, но рубашку снимать не хотелось, как последнюю. Отчего-то зачастило сердце, а ещё стало нестерпимо жарко...

Так я опять валялся на кровати в своей комнате и лицезрел недовольное лицо Никиты и обеспокоенное — врача, который что-то говорил брату, а тот, что удивительно, молча слушал! Хотя обычно Никита не упускал случая наговорить гадостей в ответ на любое слово.

— Я на пару минут выйду, а ты не вставай с постели, — уже после ухода врачей сказал Никита в своей обычной манере, не глядя на меня. Только на этот раз без самодовольства, что меня почему-то совсем не обрадовало.

Я всегда думал, что буду несказанно рад посмотреть на него слабого и беспомощного. Но даже потеря его выставленного на всеобщее обозрение самолюбия заставила меня не радоваться, а напрячься от беспокойства.

Тут, совсем некстати, вспомнилась голая грудь Никиты и его запах... Меня бросило в дрожь и вновь замутило. Сжавшись в тугий комок, я пытался побороть слабость и головокружение... Тяжело дыша и забыв, что у меня нет голоса, я попытался позвать брата. Острая боль в горле спровоцировала слезы.

Но Никита всё же пришел. Он обхватил меня за плечи и крепко прижал к себе... так

плотно, так хорошо... Что-то успокаивающе нашёптывая, перебирал спутанные пряди на моей макушке. Я не знал, что, когда он говорит так тихо, его голос хрипнет и становится таким напряженным, густым, проникая и заполняя собой весь мир... Не знал, что брат может быть таким горячим, что он тоже может дрожать, что его тело такое жёсткое, твёрдое и напористое. Стало легче, слабость отступила, вместо неё пришел жар... Я изо всех сил цеплялся за рубашку Никиты, прижимаясь к нему как можно теснее, будто он мог наполнить меня своей силой...

И он наполнил. В первый момент я просто ошарашенно распахнул мокрые от слёз глаза, когда его горячий язык оказался у меня во рту. Пока я пытался осознать, что же на самом деле происходит, Никита уже подмял меня под себя, всем своим весом вдавливая в кровать. Инстинкт сработал безоговорочно. На применение по отношению к себе силы я резко уперся ему в грудь, изо всех сил толкая от себя. Похоже, сопротивление привело его в чувства. Никита быстро отстранился, неровно дыша и пронзительно глядя в мои глаза. Отвернуться я, как всегда, не мог и нервно облизнул губы. Он жадно проследил за этим жестом, глухо застонал и отвернулся.

— Забудь, — звучало это то ли приказом, то ли просьбой. Последнее было ему совершенно несвойственно.

Чёрт! О чём я только думаю?! Меня только что целовал мужик, я же отплёвываться должен через левое плечо! О!.. Вот почему он так странно на меня смотрел. Я же после этого ещё и облизывался! Чёрт, чёрт, чёрт! Хочу умереть прямо сейчас.

Я не умер, а уснул. Когда проснулся, увидел в своей комнате Никиту и вздрогнул. Моя реакция заставила его нахмуриться.

— На, поешь. Потом прими эту таблетку, — с этими словами он пододвинул стул, поставил на него поднос и вышел, сопровождаемый моим пристальным взглядом.

Хорошо, что я не могу говорить. Что я могу сказать в такой ситуации? Или что бы я ему мог наговорить? А что, если он извращенец? Нет. Что угодно, но извращенцем он быть не может. Почему я так в этом уверен? Он же меня... Боже, даже думать об этом не могу... сразу становится трудно дышать. Нет, он не извращенец, иначе мне бы было неприятно... Стоп! Что значит «было бы неприятно»? Мне что, было... приятно?! Нет! Это же неправда. Нет, приятно мне не было. Но и неприятно мне не было тоже. Чёрт, Боже! Пожалуйста, пусть всё будет просто сном, бредом больной головы! Я не хочу вспоминать его голую грудь, его руки, вес его тела, его запах, его жар, его дрожь... Всё! Хватит! Я снова задыхался, словно рыба, вытасченная из воды.

Есть совсем не хотелось, но сейчас Никите лучше не перечить, себе дороже выйдет. Надо успокоиться и выздоравливать.

* * *

Брат уже второй день не ходит на работу. Это нормально? Не помню, чтобы за те полгода, которые я у него живу, был хотя бы один день, полностью проведённый им дома.

А тут два дня безвылазно! И ещё... он на меня пялился! Это меня раздражало. Ведь раньше вечно глаза отводил. Теперь же мне просто было некуда деться, повсюду я натыкался на его взгляд. И притом, он так на меня смотрит, что хотелось провалиться сквозь землю или хотя бы к соседям снизу. А его, похоже, ничего не смущало. Скотина! Говорить я не мог, но, по крайней мере, горло уже не саднило, когда я пытался что-то прохрипеть.

— Ты всегда добиваешься, чего хочешь, — я так и подпрыгнул от этих слов. Чёрт!..

Я читал учебник. Привык заниматься в гостиной. Так что когда диктатор остался дома, я просто не мог изменить своим привычкам. И теперь он чего-то хотел добиться от меня этим выпадом?

— Захотел заболеть — заболел. В школу ходить не надо, все с тобой носятся. Удобно.

Я сузил глаза и злобно зыркнул в сторону обидчика. Я что, по его мнению, специально заболел? Вот тупость! И как до него это донести? Написать? И потом, кто это «все»? И кто их просил со мной «носиться»?

— Захотел жить со мной и живёшь, — продолжал свою мысль оратор.

Я не хотел с тобой жить! Но больше этого я не хотел оставаться в приюте! Опять эти нападки? Ты мне уже всю душу ими вымотал. Да понял я. Понял! Что я для тебя обуза. Думаешь, меня это не тяготит? Я устал. Устал быть лишним, никому не нужным. Устал до смерти.

Почему я вечно не могу отвести взгляд от этих холодных глаз? Чувствую себя кроликом, которого неминуемо съест питон.

— Чего ты от меня хочешь? Ты же всё равно всё получишь! Зачем тогда тебе я?

Что он имеет в виду? Я удивлённо смотрел на взволнованного Никиту, не понимая, что могло произвести на его каменное величество такой эффект. И дёрнулся, когда холодные пальцы коснулись моего подбородка. Но ни сказать, ни отвести глаза... Да что там! Я пошевелиться под этим взглядом не мог. Всё, что мне оставалось, это наблюдать как медленно, убийственно медленно, приближается ко мне лицо брата. А потом его губы приоткрылись... И я как зачарованный повторил это его движение, тут же оказавшись в плену его губ. На затылок, взъерошив волосы, зажав их в кулак, легла его рука. На этот раз он не напирал... Осторожно касаясь языком, прикусывая зубами мои губы, исследуя мой рот, он не отпускал мой взгляд. Я инстинктивно положил руки на его грудь, наверное, чтобы оттолкнуть... Только не оттолкнул. Дышать становилось всё труднее... Это было слишком близко. Когда я решил, что сейчас задохнусь, Никита оторвался от моих губ, отчего я протестующе что-то пропищал. Его собственные губы влажно блестели в кривой усмешке. Он дёрнул мою голову назад за волосы и жадно припал к шее, свободной рукой задирая футболку и опускаясь поцелуями на грудь и живот. А рука прошлась по бедру, на мгновение остановилась и решительно накрыла пах. Я изогнулся всем телом, то ли пытаюсь его остановить, то ли требуя большего.

— Тише... — предостереж меня хриплый шёпот в самое ухо, и неровное, горячее дыхание опалило кожу. — Я ничего тебе не сделаю...

Ничего? Он это так называет?

А, чёрт! Что?.. Н-нет...

Не понимаю, то ли я сопротивлялся, то ли нет. Мне повезло, что из-за шока я почти ничего не соображал. Смотреть на него совсем не хотелось, но я все-таки опустил голову. Никита поправлял мою одежду. Будто так и надо.

Боже! У него на губах осталась эта гадость... Вспомнилось чёртово молоко, с которого и начались все мои неприятности. Меня передёрнуло. Он это заметил и поднял глаза. Проследив направление моего взгляда, ухмыльнулся и облизнул губы.

Что это?.. По позвоночнику побежали мурашки, и внутри снова стало тепло. Нет! Я резко выдохнул, теперь хорошо понимая, куда меня могло завести это тепло. И быстро отвёл взгляд в сторону. Если подумать, что ещё он мог со мной сделать... то, да, он мне почти ничего не сделал. Ничего, что не могла бы сделать и девушка на его месте. Но это была не девушка! Это был мужчина. Фу, гадость-то какая!.. Мало того — мой брат! Если вчера мне хотелось умереть, то сегодня я этого хотел ещё сильнее! Какого чёрта он творит?! И как после этого прикажете доказывать, что он не извращенец?

— Не бери в голову. Большинство парней твоего возраста давно этим занимаются.

Этим? Нет, думаю, именно этим они не занимаются. Мне было очень не по себе, но почему-то встать и уйти в свою комнату я не мог.

— Это абсолютно ничего не значит. Ты ведь мог сам...

Абсолютно ничего?! Для него это «абсолютно ничего»? Меня переполнили ярость напололам с обидой и чем-то ещё... тёплым и дрожащим, внезапно съёжившимся от холода. Я с размаху заехал ему в скулу... Правда, замах получился не сильный, он сидел слишком близко. Чувствуя, как что-то внутри меня разлетелось вдребезги, и неудержимо накатывают рыдания, я сгорбился и закрыл лицо руками, содрогаясь от всхлипов. Пару минут я просто ревел. Он сидел там же. А потом Никита меня обнял и, вместо того чтобы вырваться, я влетел в его объятия, уютно расположившись там и самозабвенно поливая его рубашку слезами. Глупо. Особенно после того, что он сделал. Это я понял под конец своей истерики, когда мысль «что делать дальше» нарисовалась в мозгу.

— Прости, — тихо прошептал Никита, равномерно убаюкивая меня в своих объятиях.

Хорошо. Но если он сейчас ещё что-то скажет... Я напрягся. Но он промолчал.

* * *

Даже когда ко мне вернулся голос, мы так и не поговорили. Я откровенно боялся этого

разговора и всякий раз, когда Никита пытался поднять болезную тему, уходил любимыми путями. Кажется, дома он стал появляться ещё реже. И его самовлюблённое спокойствие куда-то испарилось. Теперь мы не спорили, а каждый раз увязали в напряженной тишине. Он сверлил меня непонятным взглядом, от которого было тяжело дышать. А я шарахался от него, пытаюсь избежать чего-то нависшего над самой моей головой.

Я вдруг понял, что оставаться одному дома очень неприятно и страшно. Понял, что тишина давит, поэтому приходя, сразу включал телевизор и компьютер. У меня, казалось, болели все внутренности, хотелось свернуться калачиком и умереть. После месяца мучений, когда я уже был на грани и совсем издергался, неожиданно нашёлся способ спастись от себя, хотя бы ночью. Оказалось, стоит мне зайти в комнату Никиты, как щемящая боль притуплялась и можно было даже выспаться. Сначала я спал в кресле, потом перебрался на кровать.

— М-м?.. — я сонно сощурился.

Светло? Чёрт, что с будильником?

— Я его отключил, — слышался хриловатый приглушённый голос.

Никита? В горле пересохло. Я резко повернул голову. На другой половине кровати лежал брат в одних пижамных штанах.

— Что ты тут делаешь? — раздражённо спросил я, стараясь скрыть беспокойство. Последнее получилось не очень.

— Это, скорее, я у тебя должен спросить, что ты забыл в моей комнате и в моей постели.

— Ну, она же тебе не нужна, когда тебя нет, — резонно заметил я.

— И давно ты не позволяешь скучать моей... комнате? — насмешливо спросил он.

Давно? Около двух недель. За это время он появлялся уже дважды. Мне ему это говорить? И какого чёрта я болтаю с ним в его кровати? Совсем спятил, что ли? Я сел, собираясь уйти.

— Ты мне не ответил, — тяжёлая рука опрокинула меня обратно.

— Ну и что ты хочешь от меня услышать? — я напрягся. Он продолжал удерживать меня на кровати.

— Для начала, почему ты спишь здесь. И когда это началось? Видимо, недавно... Потому что будь иначе, я бы заметил, — он приподнялся на локте, теперь нависая надо мной.

Чёрт! Он же полуголый! Надо как можно быстрее с этим разобраться, пока не стало слишком поздно.

— Мне не по себе оставаться дома одному, вот я и приходил сюда хотя бы на ночь.

Больше я так делать не буду. Обещаю, — смотреть на него я отказывался.

— Не то, чтобы я возражал... С каких пор? — его голая грудь коснулась моего плеча. Я вздрогнул и повернулся к нему. А вот это было ошибкой. Взгляд залип на глубоких, затягивающих в свою бездну глазах... Слишком близко!

— Две недели назад! Отпусти! — паника накатывала быстро, но Никита не отпускал.

— Почему? — его губы были слишком близко.

— Мне надо. Мне было плохо, здесь лучше... Пожалуйста, отпусти! — мой голос уже дрожал. Он ухмыльнулся.

— Тебе надо... плохо... — его глаза расфокусировались, а голова медленно приблизилась к моей груди. Он тяжело дышал, проводя носом по моей пижаме. Я выставил руки перед собой, но наткнулся на голую грудь... и застонал. Горячо! Никита напрягся и хрипло произнес:

— Если я продолжу, то на этот раз возьму тебя... Иди, пока я ещё могу тебя отпустить.

Повторять не требовалось. Я влетел в свою комнату, часто дыша, дрожа всем телом, и сразу направился в ванную. Наплевав на пижаму, влез под душ как есть... Руки немедленно забрались под резинку и легли на возбуждённый член. М-м...

То, что я проспал, не было такой уж большой проблемой. Если бы поспешил, успел бы на физкультуру. И сбежать из дома мне очень хотелось. Наверное, именно поэтому в школу я не пошел.

Мое уединение нарушил резкий стук в дверь и голос брата:

— Можно войти?

Это было что-то новенькое, раньше он себя так не утруждал.

Только теперь я понял, что остаться было моей большой ошибкой. Но гордость и упрямство, из-за которых я не пошел в школу, заставили меня совершить вторую ошибку — открыть Никите дверь.

— Нам, наконец, надо поговорить, — рука брата нервно пробежала по влажным волосам, а взгляд задержался на моей мокрой макушке, отчего его губы скривились в противной понимающей улыбке. Гад!

— И о чём ты «наконец» хочешь поговорить? — стараясь не выдать внутренней дрожи, переспросил я.

Показывать свою уязвимость не хотелось до ужаса, но стоять под холодным, пронзающим насквозь взглядом было слишком неудобно. И я непроизвольно обхватил руками свои плечи. Он отвёл взгляд и сделал шаг обратно к двери, облокотился на неё

спиной, то ли подчёркивая, что пока мы не поговорим, никто отсюда не выйдет, то ли увеличивая между нами дистанцию и ища опору.

— Тебе нельзя со мной оставаться, это ты и сам должен был уже понять. Геем, — тут он кривовато улыбнулся, — не зря не дают детей воспитывать.

— Каким ещё геем? — не понял я.

Никита удивлённо посмотрел на меня, похоже, в свою очередь, не понимая, о чём говорю я.

— Геем, голубым... мужчинам, которые занимаются сексом с другими мужчинами... я гей, — его глаза как-то странно сверкали, то ли бешенством, то ли чем-то всепоглощающим, дрожащим на пределе своих сил, и потому страшным.

Я сглотнул и каким-то чудом отвёл взгляд от опасности затаившейся в его зрачках. В голове почему-то было пусто, хотя сердце грозило шмякнуться с какой-то невысказанной высоты в какие-то невообразимые глубины отчаяния, пустоты и пугающей тьмы. Похоже, меня затрясло уже не только внутри. Отчаянно цепляясь за плечи, я пытался осмыслить ситуацию.

— Я знаю, что значит слово «гей», — смог выдавить я.

Только вот поверить в то, что Никита гей, было как-то не то что дико... Невысказанно. Раньше же он не жаловался на свою ориентацию. Такие мысли меня немного отрезвили. Всё же никогда не смогу понять своей непоколебимой уверенности в брате. Я удивлённо смотрел в пол. Почему? Отчего я так уверен, что он не извращенец и не гей?

— Не мели ерунды! В каком месте ты гей? — сердито и упрямо осведомился я.

Глаза Никиты превратились в узкие щёлочки, и он сделал шаг по направлению ко мне. Я же шагнул назад, отчего упёрся в подоконник и нервно вздрогнул, поняв, что отступить некуда. Жёсткая усмешка на его губах сказала, что этого он и добивался.

— Твои слова не соответствуют твоим поступкам. Говоришь, что я не гей, но боишься именно этого.

— Я тебя не боюсь! И прекращай уже дурачиться!

— Дурачиться?..

Что-то пошло не так, будто с хрустом надломилось что-то невидимое и в самом воздухе разлилось напряжение..

Никита оказался слишком близко, слишком быстро. Тяжело опёрся руками о подоконник с двух сторон от меня. Я только и мог, что испуганно смотреть в его жесткое, будто в миг выцветшее от напряжения лицо.

— Тебе действительно не стоит меня бояться. Я ничего не смогу тебе сделать, кроме одного... Если ты не уберёшься с глаз моих, я тебя трахну. Так, что ты неделю будешь валяться подо мной мордой вниз.

Меня заколотило. Я знал, что он способен мне сказать такое, хотя... Почему-то больше всего меня пугало то, что мне нужно было уйти. Я быстро сообразил, что разглядывание пола спасёт меня хоть в какой-то степени от осознания, как Никита близок к выполнению своей угрозы. Не знаю, каким чудом его выдержки хватило, чтобы развернуться и уйти, а моей, чтобы не вякнуть чего-то, отчего всё бы окончательно полетело в тартарары.

Соображать я начал только к вечеру. И перспективы обрисовались весьма безрадостные. Приют вновь замаячил на горизонте. Но больше всего пугало то, что о постели брата я подумывал с каким-то обречённым облегчением.

* * *

Брат не появлялся несколько дней. Я был на грани нервного истощения, в любой момент ожидая прихода Никиты с твёрдым решением отправить меня в приют.

И вот он пришёл. Да ещё и не один. С ним была симпатичная пара средних лет: улыбчивая женщина и по-доброму взглянувший на меня мужчина. Никита пригласил всех в гостиную, где и представил меня чете Морозовых. У Инны Сергеевны и Виктора Ивановича уже было трое детей: старшие дочь и сын, которые давно выпорхнули из отчего дома, и ещё дочь моего возраста. Они заверили, что были бы рады, если бы я поселился у них до выпуска из школы — на срок который установил Никита, тем более что комнаты старших детей были свободны. Оказалось, Виктор Иванович и Никита были знакомы по работе и неплохо ладили, несмотря на разницу в возрасте.

Я же был настолько шокирован, что просто не мог поверить в происходящее, осознать, что вокруг меня творится. Так что меня просто упаковали и отправили на новое место жительства.

Никиты не было видно всё время, что меня собирали. Он появился только чтобы сказать «счастливо», глядя куда-то мимо меня вдаль. А я как вкопанный стоял напротив и непонимающе пялился на его щетину и тени усталости, залёгшие под глазами, пока меня не отволокли в машину.

Глава 2. Врозь — тепло тела, холод души

Школу мне пришлось поменять потому, что мы жили на другом конце города. Никита уехал работать в Америку, и связи с ним не было никакой, на что неодобрительно косились Морозовы.

Оказалось, что это очень дружная и добродушная семья. Было так хорошо собраться всем вместе на ужин. За столом все говорили, шутили, смеялись, делились новостями прошедшего дня. И вообще, уважительно и тепло относились друг к другу и окружающим. Я не имел подобного опыта общения в семейном кругу. Для моей издерганной психики эта атмосфера была лучшим лекарством.

С младшей дочерью семейства, Ирой, мы учились в одном классе. Казалось, она в любой момент готова была разразиться заразительным смехом, с оптимизмом смотрела в будущее и шла по жизни легко. Наверное, мне стоило в неё влюбиться. Но я не смог. Мы как-то сразу стали друзьями, больше похожими на брата и сестру.

А с любовью у меня не заладилось. Все, кто мне нравился, отличались тяжелым характером и склонностью к садизму, что отпугивало от людей в целом.

Так получилось, что лучший мой друг оказался геем. И мне крайне повезло оказаться не в его вкусе и крайне не повезло оказаться во вкусе пары его друзей. Однако с этим я достаточно быстро разобрался.

Жизнь отличалась завидной лёгкостью и постоянством, получать от неё удовольствие оказалось не такой уж трудной задачей. Мне впервые не нужно было оглядываться на закидоны людей от которых я зависел. Правда, не сказал бы, что я сам сильно изменился. Как не был душой компании, так и оставался в дальнем углу класса и старался молчать в тряпочку, не высываясь по делу и без. Оптимизма во мне также не прибавилось, но и вены резать было не из-за чего... Что-то все равно грызло изнутри, какие бы замечательные условия жизни ни давали мне Морозовы. Я не смеялся, а только улыбался, потому что моему сердцу не было легко, тем более свободно. Не скажу, что был ко всему безразличен, но и интереса особого к жизни и людям у меня не было. Я жил как во сне, без особых потрясений и радостей.

* * *

— Саня, пошли в гей-бар! — Женька был в приподнято-возбуждённом состоянии. После его последнего разрыва с каким-то уродом это радовало.

— Жека, я натурал. Кончай таскать меня туда, иначе я никогда не найду себе девушку, — да-да, я был свято уверен в своей гетеросексуальной ориентации.

— Не беспокойся, у тебя есть я! А девушек тебе искать не надо, они тут, только помани, — и он озорно улыбнулся, указывая глазами на пару наших одноклассниц, которые активно перешептывались, хихикая и поглядывая на нас.

— Дурак, — заключил я. — Они считают, что мы встречаемся.

— Да брось! Твоей репутации это не повредит, наоборот, девчонки такое любят!

— Вот поэтому я и говорю, что ты дурак, — вздохнул я.

Он просто не хотел понимать того, что гея девчонка будет воспринимать как подружку, а не как парня. А перевести дружеские отношения на горизонтальную плоскость было не так-то просто.

— Дурак, — легко согласился Жека. — Пошли со мной, а?

Оставлять его одного было глупостью, притом подлой. Однажды его уже избили за такие вот походы, и это было совсем не смешно.

— Ладно. Когда? Во сколько? — вздохнул я обречённо, с ужасом представляя ещё один кошмарный вечер в обществе мужиков, облизывающих тебя взглядом.

* * *

Как и предполагалось, вечер выдался преотвратным. За одним исключением — лицо Женьки светилось радостью, и я не переживал, сидя дома, за его легкомысленную голову. Похоже, он уже успел нацапать достаточно телефончиков, чтобы было чем заняться на выходных. Значит, минут через сорок можно отсюда убираться. Пить я в таких местах не решался, с мутью у горла думая о последствиях столь необдуманного поведения.

И тут в бар завалилась компашка похоже новеньких, потому что вся голубая братия дружно повернула головы посмотреть на вновь прибывших. Это стоило того, чтобы обернуться: пять милых мальчиков с лицами ангелов, все как на подбор ухоженные, высокие, стильные. Где только таких бройлеров выращивают? И нафига они спустились на нашу грешную землю и конкретно в этот клуб? Мы же теперь до закрытия не уйдём! Я внутренне застонал.

Как и предполагалось, бройлеров атаковала волна бывалых. Жека паинькой сидел рядышком и ждал своей очереди, попивая какую-то гадость очень подозрительного цвета. Очередь подошла часа через три. К нам подрулило неземное создание, которому не хватало арфы и пушистых крыльев, обозвалось Реном и предложило присоединиться к ним. На что Жека счастливо заулыбался, а я, погрузнев, встал и поплёлся следом.

Оказалось, бройлерная неподалёку — модельное агентство как-его-там. Телефончики тоже у всех есть, работают и раздаются. На попытку впихнуть мне свой номер каким-то Люком, я не выдержал. Бывалые меня уже знали, потому прекратили приставать сразу и дружно, воспринимая, наверное, как эскорт Жеки. А новеньким требовались пояснения.

— Голубок, я натурал.

— Да-а? — неверяще протянул этот самоубийца. — А что же вы тут делаете?

— Страшные глаза, — засмеялся другой по кличке... Ахилл. Убиться об стену! Эти их сценические клички были не перевариваемыми в принципе. — Так что, Люк, не провоцируй.

После этих слов приставать больше никто не пытался. Мы засиделись, как я и предполагал, до закрытия. После чего все, наконец, решили прекратить это безобразие и отправиться по домам.

Любопытно, что Ахилл, да, кликуха — жесть, но из этих бройлеров самый вменяемый, попёрся с нами, утверждая, что живёт неподалёку. Тогда как его товарищи отправились по домам на такси. Мы, мирно болтая, проводили Жеку, после чего небожитель отважился на разговор.

— Сань, вы с Жекой встречаетесь?

— Нет.

Если он сейчас предложит пойти к нему, я его убью.

— У него кто-то есть? — последовал другой вопрос.

А вот это было уже интересно, я с любопытством посмотрел на собеседника.

— Был недавно отморозок один, сейчас нет. А ты моего благословения решил попросить?

— Что-то вроде... Меня, кстати, Рома зовут.

— Вот, это другой разговор, а то от ваших кличек зубы сводит, — я пожал протянутую руку, глядя на посерьёзневшего парня. Сейчас он почему-то больше не казался одним из бройлеров.

— Ты дашь своё благословение на мои отношения с Женей, если, разумеется, ему они будут нужны?

Я смотрел на ненормального огромными глазами.

— А ты не рано об отношениях заговорил?

Его улыбка почему-то показалась до боли знакомой. Со мной говорил не слащавый, пустоголовый выкормыш, а человек, уверенный в себе и знающий эту жизнь не понаслышке, а так, как могут её знать только те, кто хлебнул немало горя на своём пути.

— Нет, как раз вовремя. И со всей серьёзностью должен заявить, что не отступлю.

— О! А это что, угроза?

— Обещание.

— И с чего это вдруг такие громкие слова? Прости, но встречи в баре не располагают к лирике, — я решил, что он просто перебрал.

— Он слишком невинно улыбается, такие цветы срывают любители гербариев... А иссушенный цветок не способен больше на улыбку. Я хочу сохранить его искренность.

От этих слов стало больно и жарко. Я невольно задался вопросом, где же сам потерял искренность и улыбку?

— Я не собираюсь давать тебе благословения! Ваши отношения — это ваше личное дело. Но если ты будешь его ботаником, засушившим его в свой гербарий, я из тебя самого гербарий сделаю или что-то похуже, но уже без метафор и иносказаний!

Он меня взбесил. Не знаю, что было за его словами, но это что-то ранило меня в самое сердце.

Можно сказать, с этого разговора Жека и начал встречаться с Романом. Только, после того разговора, этот кадр стал меня бесить. Они были идеальной парой, ссоры, конечно, тоже случались, но это было скорее мило, чем серьёзно и ни одного повода со стороны нимбоносца.

* * *

Так мы и докатились до выпускного. В школу по этому поводу можно было приглашать всех, кого только в голову взбредёт. Таким образом, Роман был в числе приглашенных.

Хотя спиртное официально было под запретом, все изрядно набрались. Я тоже был в состоянии лёгкой эйфории.

— Сань, пойдём покурим? — это был Роман, рядом со мной сидела Ира. И хотя мне не улыбалось проводить свой выпускной в обществе нимбастого, я встал и пошёл.

Надо сказать, Рома курил редко и обычно это происходило когда тот пил, а Жеке это очень не нравилось. Так что в том, что он курил без Женьки, не было ничего необычного. Я курил раз в полгода, наверное. И сегодняшний день был в категории, когда можно было позволить себе слабость.

— Я тебе не нравлюсь, — сказал Рома, когда мы, укрывшись за школой, закурили. И это был не вопрос, а утверждение.

Я удивлённо посмотрел на недоразвитого крылуна. С чего он вдруг об этом заговорил?

— Ну, я бы не был так категоричен. Хотя впрочем, я тебя недолюбливаю, — признался я.

— Потому, что я гей?

— Жека тоже гей, и что?

— Ты любишь его?

— Он мой друг, я не могу быть равнодушным по отношению к нему. Но это не та любовь, о которой говоришь ты, — ответил я и, подумав немного, добавил: — Возможно, я недолюбливаю тебя потому, что мне не нравится, что ты забрал его внимание.

— Ревнуешь?

— Наверное, немного... Почему мы об этом говорим? Ну не пылаю я к тебе любовью — это так уязвляет твоё самолюбие?

— Самолюбие тут ни при чём. Когда мы встретились, я думал, мы подружимся. Никак не могу понять, почему этого не произошло.

И тут произошло то, чего я и в страшном сне не предвидел. Роман сделал нетвердый шаг мне навстречу, отобрал мою сигарету и, толкнув к стене, впился в мои губы поцелуем. После секундного ступора, в течение которого колено Романа оказалось между моих ног, я начал сопротивляться. Но что-то было не так. Чем больше я сопротивлялся и чувствовал силу, плотно впаявшую меня в стену, тем больше это заводило. Дошло до того, что моё состояние заметил ныне павший ангел.

— Сдаётся мне, не такой уж ты натурал, — тяжело дыша, выдал Роман.

На этом всё окончательно понеслось к полному крушению. В дверном проеме нарисовались Никита и Жека. Вновь прибывшие замерли, уставившись на наши живописные рожи с припухшими от поцелуев губами. Глаза Женьки стремительно наполнились влагой, после чего он рванул, не разбирая дороги.

— Женья! — дико заорал Рома, и понёсся вслед за моим... возможно уже бывшим другом.

Я же никак не мог сообразить как тут оказался Никита. А после потери опоры осел на землю в полном изнеможении. Чёрт! Что вообще только что произошло? Теснота в штанах не давала себя обмануть и притвориться что ничего не было.

— Ты совершенно не изменился, — заключил Никита.

Я вздрогнул от невозможного холода его слов, продолжая пялиться на такого родного и одновременно далекого человека. Взгляд Никиты, казалось, был способен парализовать всякую свободную волю. Я уже и забыл как сильно он на меня действовал. Жесткие черты лица брата, словно еще больше заострились и закаменели, а его губы были плотно сжаты.

Сердце пропустило удар и будто решив меня убить своим грохотом застучало как сумасшедшее.

* * *

Очнулся от потрясения я только в квартире брата. Всю дорогу мы ехали в молчании, а по прибытии Никита закрыл меня в комнате, которую я раньше занимал.

Некоторое время я тупо валялся на кровати и пытался прийти в себя. Но когда на пороге возник Никита, весь ад реальности хлынул на меня единым потоком. Перед внутренним взором пронеслось всё произошедшее. Роман, Жека и Никита. Чёрт!

— Очнулся наконец, — констатировал Никита, который смотрел на меня всё также холодно. — Полагаю, твой друг не забудет выпускной никогда, ты постарался, поздравляю!

Как же невыносимо было это слышать! И что самое противное — брат был сто раз прав.

— Заткнись! Только твоих комментариев мне не хватало! — заорал я, не помня себя.

— Что, неприятно слышать правду? А ты привыкай, — Никита рухнул на кровать рядом и прижал меня к ней всем своим весом. Он перехватил мои руки над головой и спрятал своё лицо на моём плече.

Я тяжело дышал. На сопротивление не было никаких сил, а в его объятьях было так спокойно и уютно. И хотя я знал, что всё не так, было ощущение, что пока он держит меня в своих объятьях, ничего плохого произойти не может.

— Надо же, какой послушный, — слова Никиты прозвучали грубо, отрезвляя, словно пощёчина. А в его взгляде была страшная пустота. — Хотя, учитывая твои пристрастия, удивляться нечему. Ты всегда сначала заманиваешь жертву, выжидая, когда же она решится на действия, запутываясь в твоих сетях, а затем рвёшь в клочья!

На раздумья над своими словами он мне времени не оставил, впиваясь в губы злым поцелуем, прикусывая кожу до крови и грубо сдирая одежду. От боли я закричал, а на глаза невольно навернулись слёзы. Сил сопротивляться совершенно не было.

Никита резко замер и долго вглядывался в моё лицо.

— Как же я ненавижу... тебя! — его голос был хриплым, а дыхание прерывистым.

Я же никак не мог осознать смысла сказанного им, но температура как тела, так и в комнате, казалось, резко упала. Меня зазнобило.

* * *

На следующий день приехали Морозовы. Никита решил, что жить теперь я буду с ним. Надо сказать, Морозовых эта новость не особенно обрадовала, а моё поведение так и

вовсе напугало. Впрочем, Никита наплёл им о моём плохом самочувствии и добросердечная пара успокоилась.

А мне снова казалось, что всё, что происходит, только сон, притом кошмарный. Наверное, сказывалось присутствие Никиты рядом.

Его слова о том, что он меня ненавидит, почему-то казались концом света. То, что я мог существовать после этого, было чем-то неправильным.

— ...андр. Александр! Подойди, наконец, к телефону, — Никита, хмурясь, смотрел на меня.

Я словно лунатик подошел к телефону, в трубке раздавались равномерные гудки.

— Не этот телефон, твой мобильный! — рявкнул брат.

Похоже, моя тупость окончательно его достала, и мобильный он дал мне сам.

— Сань, ты должен поговорить с Жекой! — раздался истеричный голос Романа.

— О чём?

Я просто не понимал. Что происходит? Чего от меня хочет Рома? Зачем?

— Ты что, совсем? После того, что он видел, как ты думаешь, что он подумал?

— Что? — тупо переспросил я.

Мне было всё безразлично и непонятно.

— Что мы с тобой любовники, придурок! — он так орал, что я поморщился и отодвинул трубку от уха.

Мою руку поймал Никита и забрал у меня телефон.

— Полагаю, это Роман? — спросил он в трубку. — Если ты ещё раз посмеешь позвонить на этот номер, убью!

Если бы Рома видел лицо Никиты в этот момент, точно бы умер... от страха.

* * *

Похоже, Никита услышал из всего нашего с Ромкой разговора только то, что «мы любовники». Перспектива оставаться с братом рядом пугала до взбесившихся мурашек. Однако он пытался меня игнорировать, напоминая дымящийся вулкан, готовый взорваться в любой момент. А я просто задыхался от ужаса.

Какой там Женька и его отношения с Романом! Я вообще перестал соображать. От этого постоянного напряжения, от безысходности и отчаяния.

Так прошло три дня. Атмосфера не то, что не разрядилась, казалось, она накалилась ещё больше, готовая разразиться апокалипсисом в любой момент.

Спасение пришло в лице Иры. Никита не проявил энтузиазма при виде гостьи, однако кого-кого, а её это ничуть не смутило. С наглостью, достойной лучшего применения, она ворвалась в мою комнату.

— Как ты можешь сидеть тут! Глянь на улицу! Там солнце, зелень, лето! — её гиперактивный энтузиазм просто убивал. — Между прочим, мы собирались пошастать по вузам.

Ой-ёй. Она меня такими темпами запихнёт туда, куда я совсем не стремился. Притом убедив впоследствии, что это была целиком и полностью моя идея.

Не дожидаясь какой бы то ни было реакции, меня уже тянули к двери. А там, в позе всея владыки, возник брат.

— Ну и куда собрались? — поинтересовался он.

— Мы, как честные абитуриенты, идем на вуз.

— Уже сочувствую вузу, на чьи стены вы нацелились, однако Александру неплохо бы сначала позавтракать. Кроме того, он под домашним арестом.

— Ну, Никитушка, ну родненький, ну пожалуйста! Мы туда и обратно! — Ира уже висела на Никите, который, в ступоре от такой феноменальной наглости, созерцал висюльку.

Признаться, я сам в шоке наблюдал за ней, не представляя, что будет дальше. Мне бы ни в жизнь не хватило смелости вот так использовать человека в качестве вешалки для себя любимого, тем более этого тёмного субъекта.

Никита же быстро отошел, отцепил её и провозгласил:

— Сначала завтрак, а потом, если вы не передумаете, я отвезу вас, куда пожелаете.

Если кто-то надеялся, что Ира откажется от своих планов, он жестоко ошибался. Иришка в принципе не тот человек, которого можно переубедить или остановить, если уж она что-то решила.

Таким образом, позавтракав под неумолкающий монолог вторженки, мы отправились в выбранные Ирой вузы. Мне повезло, что среди них не было чего-то связанного с балетом или кройкой и шитьём, потому что дизайн и филология, которые выбрала Ира, скорее в угоду своей романтично настроенной личности, чем реально решив избрать эти направления делом своей жизни, уже вызывали издевательские комментарии брата. В любом случае с нашим маршрутом я ничего не мог поделать, потому что даже не начинал

задумываться о своём будущем.

Надо сказать, Ира благоприятно влияла на Никиту. По крайней мере, он уже не выглядел так, будто готов кого-нибудь прибить. В её присутствии говорить вообще было не обязательно, она справлялась с этим за троих. Хотя брат не мог позволить кому-либо быть постоянно в центре всеобщего внимания, потому местами Иришкин монолог переходил в их диалог со множеством едких замечаний и язвительных выводов Никиты.

В очередном вузе мы в который раз за день застряли. Ира выясняла что-то там жизненно важное, мы с Никитой сидели в кафешке. Я ел мороженое, которое, как всегда не дождавшись своего съедения, начало таять и сейчас мы играли наперегонки: либо я его всё-таки съем, либо оно меня всё-таки заляпает. И последнее было вероятнее, поэтому я азартно ловил губами белые липкие капли.

Взгляд брата я не замечал до последнего. Зато когда соизволил-таки взглянуть, почему, собственно, эта язва ещё не прошла относительно моего безобразного поведения... меня будто кипятком облили, так стало вдруг жарко. Ну и как всегда, отвести взгляд я уже не смог. Никита напряженно следил за каждым моим движением, с таким жаром провожая цепким взглядом по коже мой язык, будто от этого зависела его жизнь, как минимум. Я замер от ощущения опасности в застывшем воздухе и даже не почувствовал, когда мороженое всё-таки победило.

Зато это заметил брат. Сначала его взгляд переместился на мою руку, освобождая меня от своего гипнотического воздействия. Потом он притянул мою руку к себе и стал слизывать мороженое, притом выглядело это так, что сразу можно было вешать табличку: лицам младше восемнадцати смотреть воспрещается! А каково, когда это с тобой делают? Инстинкт самосохранения выль блгим матом за пределами ультразвука, а мне оставалось только вырываться из последних, и так не великих, сил. Однако эта зараза с садистичной медлительностью извращалась уже с мороженым, искоса поглядывая на меня. Под конец этого занятия меня уже ощутимо потряхивало. То, что в кафешке были люди и появился кое-кто ещё, я не заметил... Ира обнаружила своё присутствие сама:

— Чем вы тут занимаетесь? На вас всё кафе пялится, вы в курсе?

Никита соизволил-таки меня отпустить, чем я немедленно и воспользовался, сматываясь в туалет.

Да, так завести меня мог только он! От сотрясавшей всё тело дрожи, стоять было невозможно. Закрыв сидение унитаза и приземлившись на него сверху, я занялся непосредственно дрочкой. Хватило всего-то жалких пары движений чтобы кончить. Запачканные руки и пол я отёр туалетной бумагой. Слил следы своего преступления и застыл, пытаюсь привести дыхание в норму.

Колотившееся сердце всё не желало успокаиваться.

Более-менее придя в себя и приведя мысли в относительный порядок, попытался разобраться в произошедшем. Не помню, чтобы раньше Никита на меня так действовал.

Да, я на него всегда реагировал не так, как на других, но это было скорее опасение, нежели возбуждение. Да, он меня и раньше трогал, а я возбуждался, но какой нормальный подросток не возбудится, если его между ног гладить и лизать? Сейчас было не так, ему в принципе не надо было меня трогать, чтобы я завёлся. Достаточно голоса, взгляда... Хуже не придумаешь! Можно сказать, я был на грани, когда сам буду умолять его оттрахать себя.

Возвращался я в отвратном настроении. Как и ожидалось, Никита встречал меня злорадным взглядом, разглядывая с каким-то собственническим садизмом.

— Ну, наконец-то! Нам уже пора возвращаться. Никита предложил поужинать у вас и переночевать. А завтра опять поедет на разведку. Я уже и своих предупредила, что у вас остаюсь, — весело вещала Ира.

Я изумленно разглядывал брата, пытаюсь понять, что он задумал. Никита явно был не в восторге от компании не в меру активной девицы, но во время её объявления сохранял спокойствие и невозмутимость, что говорило о его соучастии. Странно. Как они вообще умудрились прийти к согласию хоть в чём-то?

Долго раздумывать мне не дали. Ира зацапала мою руку и потянула меня к выходу. Никита расплачивался с официанткой. Домой ехали так же, то есть под Иришкин монолог. Вот кого ничто не могло удивить и вывести из равновесия. Ужинали тоже молча, вернее, молчали мы с Никитой, Иру это не волновало и не останавливало.

Решено было оставить Иришку спать в моей комнате, а я застелил себе диван в гостиной. Никита сразу после ужина ушёл к себе. Ира пришла ко мне посмотреть какой-то фильм.

— Сань, ты гей? — не поворачиваясь ко мне, спросила девушка. Я застыл. Хотя удивляться было нечему. После того, что она увидела в кафе, вопрос был вполне закономерным.

— Не знаю... — честно ответил я. Впрочем, как сказать. Не то чтобы я не замечал девушек, но они не щекотали нервы так, как, скажем, Никита, от одного вида которого меня в дрожь бросало.

— Думаю, ты, по крайней мере, би, — стала пробовать почву эта егоза. Зная Иру, могу сказать с уверенностью, что в моей ориентации она уже была уверена, просто подводила меня к какой-то мысли. И, похоже, не слишком приятной, раз так осторожничала. — Мне показалось, что у вас что-то есть с Никитой... Вы любовники?..

Теперь я просто прирос к дивану. Ну и как было отвечать на такой вопрос? Что вообще-то мы братья? Ага! Это после кафе-то! Так она бы мне и поверила, что между мной и братом, вылизывающим меня как последняя шлюха, ничего нет. Рассказать ей, что я возбуждился от вида Никиты, поглощавшего с меня мороженое, и это вполне обычное дело между братьями? Но ведь и любовниками, строго говоря, мы не были.

— Нет, мы не любовники... — ответил я всё ещё гоня в голове разные мысли.

Ира не выдержала и повернулась ко мне.

— Ну да, а то, что вы в кафе творили, обычное дело? — с ехидцей пропела проныра. Ну, что я говорил! Вернее думал.

— Почти... — не говорить же ей в самом деле, что мы можем устроить что-то похлеще того представления с мороженым.

— С ума сойти! А я все думала, чего это он тебя к нам отправил. Теперь-то ясно. Неясно другое — зачем забрал... Хотя, после случая с Ромой... — меня от упоминания этого имени передернуло. — Значит ты, наверное, уже всё для себя решил, раз остаёшься тут, — предположила она.

Я решил? Решил Никита, а я подчинился. Мне и в голову не могло прийти сопротивляться ему. Я удивленно смотрел на Иру, не понимая самого себя. Ну да, привык плыть по течению, подчиняться, не задавая вопросов. А ведь всё, чего я хотел, чтобы брат был рядом. И это притом, что мне почему-то всегда казалось, что я именно этого не желаю больше всего. Я его боялся? Нет. Я совсем не боялся Никиту, любого его прикосновения, того, что он повышал на меня голос или его строгого взгляда. Значит, Ира была права, я давно всё для себя решил, просто сам этого не осознавал.

— Похоже, ты права, — улыбаюсь я, понимая, что, что бы теперь ни произошло, так оно и должно быть.

Ира улыбнулась мне в ответ и повернулась к телевизору, на экране которого разворачивалась какая-то любовная драма. Не думаю, что она, как и я, следила за сюжетом фильма, просто она думала о моей ситуации.

Я тоже думал.

* * *

На следующее утро я уже не чувствовал себя марионеткой. Сам выбрал пару учебных заведений из принесённых Ирой книжек и брошюр, поддерживал Иришкину болтовню, пару раз сцепился с братом. Никита только зло шурился, но по его губам изредка пробегала ухмылка. Весь его довольный вид был словно у кота, натрескавшегося краденой сметаной.

Ира была просто счастлива, и это было сильно заметно. Если вчера её активность была невыносимой, то сегодня это буйство не лезло ни в какие ворота. Доставалось от её активности почему-то в основном мне. Так что к вечеру меня нельзя было сравнить даже с выжатым лимоном. Я еле передвигал ноги.

Когда Никита толкнул меня на диван в гостиной, сопротивляться я не стал.

— Сейчас принесу что-нибудь поесть.

— Нет, — застонал я.

Мы только что приехали от Морозовых, куда подвозили Иру. Инна Сергеевна отпустила нас лишь после того, как накормила, притом по только ей одной известной мерке, а это значит, что передвигаться я не мог ещё и из-за количества поглощённой пищи.

Никита сел рядом и, резко развернув меня спиной к себе, стал массировать мои плечи. Сказать, что это было приятно — не сказать ничего. Это было божественно! Длинные сильные пальцы, поглаживающие через футболку мои уставшие мышцы, отправляли прямиком на небеса.

Я счастливо улыбался, подставляя своё тело под его поглаживания и тихо постанывал от наслаждения. Когда начал заводиться, не понял сам, только дыхание сбилось, а стоны теперь я пытался гасить... Тщетно.

— Ох! — не сдержал я возгласа от особенно волнующего прикосновения Никиты к пояснице. — М-м...

Последовал резкий толчок — и я оказался прижатым животом к дивану. Никита придавил меня сверху, удерживая своё тело на вытянутых руках. Он потёрся об меня, медленно поглаживая мою спину и стягивая футболку.

— Н-н... — я выгнулся ему навстречу.

И тут же почувствовал его вес, вжимавший меня ещё плотнее, губы Никиты на затылке, его горячее дыхание и руки, протискивавшиеся между мной и диваном, поглаживавшие живот, спускавшиеся всё ниже.

К тому моменту как на мне не осталось одежды, а член брата беспрепятственно тёрся об меня сзади, я перестал вообще хоть как-то соображать. Просто выгибался ему навстречу, срывался со стонов на всхлипы и вскрики.

— Пожалуйста, н-н... Никита! — сам не понимал, что несу, но молчать тоже был не в силах. — Сейчас!

Я почувствовал горячий поцелуй на своём затылке, и тяжесть тела Никиты пропадала.

— Нет!.. — я попытался развернуться вслед за ускользающим теплом.

Но рука Никиты надавила мне на спину, заставляя остаться в прежнем положении, а пальцы другой его руки вдруг прикоснулись к анусу. Пальцы были прохладными и скользкими. Позвоночник прострелило странное ощущение, не неприятное, просто непонятное и пугающее.

— Встань на четвереньки, упрись сильнее, — хрипло попросил Никита. — Раздвинь ноги шире.

Его пальцы сзади надавили сильнее — это было очень странно и непонятно. Вторая рука

Никиты обхватила мой член поглаживая его. Я задрожал и выгнулся ему навстречу, пытаюсь сильнее расслабиться. Затем всё пропало, и после пары мгновений руки Никиты легли на мои бёдра. Он вдавливал себя в меня по миллиметру, мучительно входил мелкими точками. Тянущая боль смешалась с наслаждением. Брызнули слёзы и я не смог сдержать болезненного стога, который пытался гасить, закусывая губу.

— Ш-ш-ш... Потерпи ещё немного, — простонал в ответ Никита. И я послушно затих.

Раньше я как-то не задумывался о том, как это бывает, не пытался представить, что надо вынести чтобы двум парням быть вместе. Если бы знал... хотя бы порасспрашивал того же Женьку... Но я оказался совершенно не готов ни к боли, ни к размерам брата в себе. Я об этом даже никогда не задумывался!

Никита замер, когда оказался полностью внутри. Мои руки и ноги подрагивали от напряжения. Наши неровные вдохи и выдохи — единственное, что нарушало тишину.

А потом медленно и аккуратно он начал двигаться, задевая во мне какие-то струны, отзывавшиеся во всём теле неконтролируемым вожделением и удовольствием от процесса. Я не мог сдерживать стоны.

Рванный ритм движений Никиты полностью подчинил моё тело себе.

* * *

Очнулся я всё там же на диване в гостиной, прикрытый только пледом. В комнате было сумрачно.

— Как ты? — полностью одетый Никита стоял у окна, за которым непроглядную тьму разгонял свет уличных фонарей.

Я попытался привстать и тут же понял, что это очень глупая идея, со стоном упав обратно на диван. Никита сразу отреагировал на стон и подошёл ко мне.

— Не стоит двигаться, лучше тебе какое-то время отлежаться. Очень больно? — в его голосе слышалось волнение и будто проскользнули нотки вины.

— Все нормально... я думаю. Что произошло?

— Ты отключился... Я не сразу заметил, — последнее он сказал как-то приглушенно.

Не сразу заметил? То есть какое-то время он имел моё бесчувственное тело? От всплывшей перед глазами картины мне стало смешно так, что совсем это скрыть не удалось, и пара смешков больше похожих на хрюканье все-таки вырвались. Я попытался замаскировать это покашливанием.

— Что смешного? — раздражённо возмутился Никита.

А мне стало ещё смешнее, и я тихо стал давиться смехом, пытаюсь при этом принять такое положение, чтобы не тревожить свою пятую точку.

Никита не выдержал, включил свет и сел рядом. Мы оба отчаянно жмурились от яркого света.

— Я мог тебе навредить, ты это понять можешь? — проникновенно сказал он.

Мне захотелось свалить куда подальше от пристального взгляда Никиты, но деваться было некуда. Кроме того, меня мучил один вопрос, вернее их было много. Но начал я с самого, на мой взгляд, важного:

— Тебе хоть понравилось?

Я всё ещё странно себя ощущал, разбирая эти чувства на боль, истому и непонятную пустоту. Кожа была липкой от пота, а между ягодиц тянуло. Хотелось уже вымыться.

Никита смотрел на меня как на законченного садиста и психа. Похоже, отвечать на мой вопрос ему не хотелось.

— Да, — выдал он наконец и помолчав сам спросил: — А тебе?

Его вопрос не поставил меня в тупик, но признать нечто подобное... Никита ведь и так должен был всё понять, зачем спрашивать? И вот тут возник другой вопрос, почему тогда о подобном спрашивал я? Значит, так было надо. Нам обоим нужен был ответ на этот вопрос.

— Да, — выдохнул я и замялся на какое-то время.

Но сказать Никите о своих чувствах я посчитал себя обязанным. Даже если не учитывать, что мы переспали, он все-таки оставался моим братом.

— Я, вообще-то, не представлял, что всё это... так бывает.

— Что всё? Ты про секс?.. Секс с женщиной? — какое-то время он напряжённо молчал прежде чем спросить: — Ты с кем-нибудь раньше спал? С девушкой?.. Или парнем?

— Нет, — я опустил взгляд, стыдясь смотреть в его глаза. — Ни с кем.

— А как же Рома? — резко переспросил Никита.

Отвечать не хотелось, но раз зашёл такой разговор...

— Никак. Понятия не имею, что тогда произошло.

— Ну да? И стояк у тебя был тоже от непонимания? — жёстко и насмешливо обрубил мои откровения он, а я разозлился.

— Ага! А ещё мне хотелось, чтобы меня так и вжимали в стену и желательно у неё же и трахнули! — выпалил я, вскинув на него взгляд.

А потом задумался, ведь я действительно тогда этого и хотел. Моё тело с ума сходило от чужих прикосновений. Но признаваться в этом даже перед самим собой было просто невыносимо. Я закрыл лицо руками, чтобы не видеть ярости во взгляде Никиты.

Молчание затянулось. И в следующее мгновение меня накрыло его тело. Никита оторвал мои руки от лица и поцеловал зло, грубо, больно, будто мучая и наказывая.

От особенно болезненного поцелуя-укуса мои слёзы, как всегда, не заставили себя долго ждать. И всё-таки его тепло успокаивало. Даже так грубо и насильно, но, когда он был рядом, всё казалось правильным.

* * *

Следующие несколько дней я провёл дома, где Никита старался не появляться. Во всяком случае, я так решил потому, что почти не видел его.

Зато была Иришка, и её было слишком много. Правда, надо отдать ей должное, она меня практически не теребила. С едой возилась сама, мы вместе мучили вузовские анкеты, мне вообще была оказана любая помощь в подготовке к будущим экзаменам. И вот за что я любил этого конкретного человека: при всей своей болтливости Ира ни словом не обмолвилась о моём странном поведении и состоянии, когда она только заявила к нам на следующий день после того как мы с Никитой переспали. А ведь наивной душой она не была, всё прекрасно видела и понимала. Возможно, ей было любопытно или тревожно, но спрашивать Ира ни о чём не стала. Как думаете, почему? Потому, что она была мне сестрой. Не кровной, а по духу. Она прекрасно меня понимала. Помнила, что я вечно распинался о своей гетеросексуальности. Осознавала, что парню расклад с физической близостью в принимающей позиции принять непросто. А если бы я хотел её совета, то уже спросил бы.

Но я молчал о своих делах с Никитой, молчала об этом и Ира.

В конечном итоге мы с ней поступили в разные учебные заведения, несмотря на все мои пророчества. Просто с недавних пор я осознал, что сам способен принимать решения, хотя это и казалось поначалу странным и неправильным. Не было чувства защищенности от чужой, пусть и навязанной воли. Зато был адреналин и какое-то злое вдохновение. Я, оказалось, мог быть «обаятельным гадом», как выразилась о моих новых замашках Иришка, чего раньше в себе не предполагал.

А ещё был злой и неуправляемый Никита. Впрочем, когда это он был управляемым? Мы больше не разговаривали, мы трахались. В любой позе, как ему угодно и где ему угодно. Я научился сосать. Чего мне это стоило? Тех жалких остатков гордости, что у меня ещё были. Только брата это не удовлетворило, а лишь разозлило. Он стал грубым и жестоким. Это выражалось во всём: взгляде, жестах, и даже не в словах, а в самом звучании его голоса. В этой лихорадке я сгорал мотыльком. Отчаянно желая его и не получая, я

замерзал. Потому, что как бы мы ни были близки физически, мы были неизмеримо далеки друг от друга.

Глава 3. Воссоединение — притяжение душ

Я стоял на пороге Женькиного дома и нервно курил. Наверное, стоило сначала найти его ангелочка и прояснить, что же всё-таки случилось на выпускном. Но я уже был тут.

— Саня? — в глухом голосе Жеки послышалось неверие. Я резко обернулся, задаваясь вопросом, почему я не пришёл раньше?

У друга было лицо прожившего свою жизнь старика, опустившего руки, отчаявшегося. Не раздумывая я бросился навстречу и обнял его. Вот тут ступор Женьки закончился и его накрыла истерика. Такого я о себе за всю жизнь не слышал. Никогда бы не простил Жеке те слова, но его боль была столь разрушительной, что я остался. А он, в конце концов, позволил остаться мне.

Выяснение отношений продолжили уже в квартире. Можно сказать, себя я отмазал. Хотя прямо сказал, что хотел его любовника. Смысла скрывать не было, это все участники того «представления» поняли. Но заверил, что видов на Романа никаких не имел и не имею.

— Ты всегда был таким... — задумчиво просветил меня Жека.

— Каким? — не понял я.

— Нашим, — с издевкой заявил он.

Думаю, так оно и было. Именно поэтому мне было легко общаться с геями. Только простить себе я этого не мог, а принять тем более. Почему мне был нужен кто-то ещё, кроме Никиты? Это было несправедливо, обидно, жестоко и подло. И ведь я не желал никого, кроме брата... душой. А вот тело хотело и ещё как. Смириться с этим было невыносимо.

Мы с Жекой разошлись мирно. Пока что о возврате дружбы говорить было рано, но построенный нами хрупкий мостик обнадеживал. Терять человека, способного назвать такую сволочь как я, другом, мне было страшно. Вот он, если не последний, то предпоследний шаг в пропасть. Делать его добровольно я был не намерен.

На улице сгустился сумрак.

— Где ты был? — дома меня встретили испуганное шипение и удар, от которого мир перевернулся.

Я рухнул на пол, но прийти в себя мне никто не дал. Брат рванул меня за волосы и потянул к себе в комнату. Я задрожал и задался вопросом, с каких пор я начал бояться его комнаты?

После того как приземлился на кровать, получил ещё один удар. Перед глазами всё поплыло. А Никита уже срывал с меня одежду, вертя моё тело, как вещь.

— Я задал вопрос, отвечай! — приказ сопровождался резким встряхиванием, от которого я прокусил губу. Комната перед глазами вращалась уже непрерывно.

— У Жеки, — еле слышно прохрипел я.

Последовал новый удар и ещё один, и ещё... Таким Никиту я не видел никогда. Эта его вспышка всепоглощающей ярости и заглянувшее в гости безумие пугали не по-детски. Было удивительно, как я ещё не потерял сознание.

— Что вы делали? — прорычал Никита, рывком поставив меня на ноги для следующего удара.

— Говорили, — просипел я, но едва ли он меня слышал.

Наконец удары превратились в побои другого рода. Так безбожно он меня никогда не брал... нет, на этот раз драл, изнутри.

Когда меня накрыло беспамятство, я принял это с радостью и благодарностью.

* * *

Приходил в себя я уже куда тяжелее.

— Саша! — послышался голос Никиты, но брат никогда меня так не называет. Болело все. Было мучительно тяжело. Я застонал и открыл глаза. — Жив? Саша, скажи!

Это всё же оказался Никита. Перепуганный, больной. Во всяком случае, выглядел так, будто били именно его и он был при смерти.

Я прохрипел что-то невразумительное, выдать что-то членораздельное не получилось.

— Сейчас, — понял что-то Никита и ушёл.

Вернувшись со стаканом воды, он помог мне сесть. Это оказалось таким ужасом, что все побои показались цветочками, вернее они, наконец, стали ягодками. Промочив горло, я почувствовал что могу говорить.

— Всё в порядке, — просипел я.

Собственный голос пугал. Дела мои явно были плохи, но что делать? Больница — не вариант.

— Сейчас вызову врача, — Никита хотел меня уложить. Но я вцепился в него так, что пальцы побелели.

Он спятил! Любой врач поймет, что тут было. Я конечно не ребёнок, но условно на попечении Никиты.

— Никаких врачей! Я в порядке! — поспешно заверил я.

Ага, в порядке, как же! Но лучше сдохну, чем брата подставлю.

— Я понимаю, что тебе стыдно. Но тебе нужна помощь квалифицированного врача. Это не шутки! — закрыв глаза, он горестно простонал: — Ты бы сейчас себя со стороны видел!

Не знаю, как я выглядел, но судя по поведению Никиты — паршиво. И потом тело говорило, что все ещё хуже. Но это не повод подвергать его опасности.

— Мне не стыдно, — я твердо посмотрел ему в глаза, когда он соизволил их открыть.

— Тебе нужен врач, — умоляюще зашептал Никита.

— Только такой, который не задает вопросов и не распускает язык, — обозначил я свою позицию. Удостоверившись, что он меня понял, только тогда позволил уложить себя и отойти.

Похоже, я задремал. Никита иногда будил меня, вытирая прохладным, мокрым полотенцем.

— Где этот сопляк! — чужой ор, иначе не назовёшь, прервал моё беспамятство.

— Тише! — грубо оборвал пришельца Никита.

О! Братец никак пришёл в себя, если уж он может на кого-то злиться и повышать голос.

— С какой стати я должен говорить тише?! — ответил незнакомец, но тон поубавил. — Эта мелкая гадина плохо себя чувствует, и ты уже срываешь меня с работы?

— Заткнись! — в голосе Никиты было предупреждение.

Ого! Да он просто в ярости. Что-то сейчас будет! Ждать этого «что-то» я не стал.

— Прошу Вас, пройдите сюда! — крикнул я что было сил. Получилось карканье, мало напоминающее человеческую речь.

Однако через пару минут в поле зрения появилось лицо, похожее на Никиту лет через двадцать. Лицо это было хмурым, недоброжелательным и настороженным. Это оказался отец Никиты — Андрей Сергеевич Андреев, хирург. Взглянув на меня, он больше не кричал, только распорядился мной и братом. Сразу видно — профессионал. Андрей Сергеевич видел работу, которую должен был сделать, как бы он ко мне ни относился.

— Кто его так? — будничным тоном спросил отец Никиты, вплотную занимаясь... моей

задней частью.

— Я, — флегматично ответил брат.

Его отец дернулся и замер. Хм-м-м... не завидую ему, вот таким оригинальным способом узнать о некоторых склонностях своего чада.

— Всё это?

— Всё.

Больше они не разговаривали. Когда со мной закончили, я тут же отрубился. Разбудил меня Никита.

— Саша, проснись, надо поесть.

Брат кормил меня сам, сидел рядом, только что на руках не держал. Вот оно — счастье! Экстрим, конечно, получать подобные радости такой ценой. Но если по-другому никак...

— Отец заберёт тебя к себе, как только ты поправишься, — моя идиллия рухнула не продлившись и двадцати минут.

Да, за радость надо платить, но кто сказал, что я уплатил сполна? Нет! По своим счетам я ещё платить и не начал.

— Зачем? — с тоской взвыл я.

— Чтобы защитить, — грустно улыбнулся Никита.

— От кого? — заупрямился я.

— От меня, — брат спокойно рассматривал меня.

— Глупости! Что за бред! Меня не надо защищать от тебя.

Конечно, не надо! От кого угодно, только не от него. Он может убить меня, если ему захочется — разве я возражаю! Главное, чтобы это был Никита, остальное неважно.

— Надо. В следующий раз я могу тебя убить, — он поморщился, как от боли.

— Ерунда! — уверенно заявил я.

Кто бы мне сказал, откуда эта вера? Я знаю, что он сможет меня убить, просто случайно. Тогда почему я не верю в возможность такого исхода? Знаю, что Никита не хочет мне зла.

— Это правда, — просто сказал он.

А его горячие губы нырнули за воротник, прижимаясь к шее. Я вздрогнул, сжимаясь. Это остаточная реакция после истязаний дала о себе знать. Тело ждало побоев.

Никита зло сощурился, по его телу пробежала дрожь, а кулаки сжались.

— Боишься? Правильно! — яростно зашептал он.

Никита хотел сказать что-то ещё, но... Меня накрыло. Что значит боюсь? Я не боюсь его. Что бы он ни делал, я не боюсь. Может, я сумасшедший, может, самоубийца. Только одно верно — сумасшедший и самоубийца я его! Я набросился на его губы, преодолевая боль.

Брат пораженно застыл и через томительные секунды ответил. Просто не мог не ответить! И ещё как. Он завалил меня на постель и придавил к ней, заставив тем самым задохнуться от боли. Впрочем, уже через секунду, притерпевшись, я стал отвечать на поцелуи.

— Ну и... что тут происходит? — вкрадчивый голос Андрея Сергеевича тут был совсем не к месту.

А картина представшая его взгляду была та ещё. Никита навис надо мной, его губы на моих губах, одна его рука на моём паху. Мои руки в его волосах. Ну и обоюдный стояк.

— Я остаюсь здесь, — облизнувшись, сказал я с вызовом, не выпуская из объятий Никиту.

— Другого от тебя и не ожидалось. Хочешь испортить Никите жизнь?

— Да, хочу, — у меня ничего не дрогнуло дать такой ответ.

В конце концов, что тут портить? Он на работе живёт. А вот Андрей Сергеевич такой наглости явно не ожидал. Правда, Никита тоже, прищурившись, он разглядывал мое лицо.

— Невозможно испортить то, чего нет, — пришлось пояснить для брата.

— И я не смогу тебя разубедить? — спросил отец Никиты.

Никита поднялся, помогая мне сесть рядом с ним на кровати. И я скорее прижался к брату, а он безропотно притянул меня поближе.

— Нет, — решение было простым ясным.

— А если мы заключим сделку? Ты оставишь моего сына до своего... хотя бы до окончания института. А я обеспечу тебе безбедное существование... квартиру, деньги, что там ещё?.. Машину.

Я правда задумался над его словами и понял, что всё это мне не надо, вернее, я даже не понял, что от меня хотят. А с другой стороны, я так привык, что все блага прилагаются к

Никите, что забыл о неимении у себя за душой ни денег, ни других материальных благ этого мира. Кроме того, откажись от меня Никита и я бы оказался не только без денег, но и без жилья. Куда ни глянь, а мы с Никитой не ровня. Хотелось бы мне предложить ему что-то большее чем своё тело. Ну и душу, разумеется, как бонус...

— Никаких сделок, — сказал я, а Никита резко выдохнул будто сам с волнением ждал моего решения.

Я удивлённо поднял на него взгляд, а он только улыбнулся. Вот и как понимать его метания и терзания?

И тут я вспомнил про нашу мать. Она же их бросила. Обоих. И ведь оба судя по всему видели во мне её. Сейчас так точно. В глазах у отца и сына застыли настороженность, отголоски старой боли и страх. Почему-то из нас троих брошенными и одинокими выглядели именно они, а не я. Просто, чтобы быть одиноким, надо потерять, а мне ведь было некого терять. У меня всегда был только я сам. Мои размышления прервал отец Никиты:

— А если на твоих условиях? Чего ты хочешь?

Чего я хочу... Кроме Никиты? Ничего. Ну, у меня есть разные потребности. Но только одна кажется мне жизненно важной — брат.

— А оставить нас в покое Вы не можете? — с надеждой спросил я.

— Он мой сын.

— И мой брат, — Никита вздрогнул от этих слов.

— Братья не трахаются!

— Трахаются, и не только братья, это инцестом называется, — доверительно сообщил я. Никита же начал давиться смехом. — И потом, теперь-то какая уже разница?

— Действительно! Мой сын гей и насильник, притом всё это по отношению к своему брату. «Какая разница» говоришь?!

— Не стоит беспокоиться, я не против.

— Вот это-то меня и беспокоит, — развернулся Андрей Сергеевич и на выходе из комнаты сообщил: — Никита, я на кухне.

Удивительный человек надо сказать, становится понятно, откуда всё это в Никите. Если твой папа стойко переносит всё, то ты вполне можешь не утруждать себя моральными страданиями и творить, что в голову взбредёт. Вот именно этим мой брат и занялся. Если я думал, что появление его отца что-то изменило в ситуации, то я плохо знал своего брата.

Никита, разделавшись с нижней частью моей одежды, опрокинул меня на спину и теперь нацеловывал бёдра, поглаживая спавшую было эрекцию. Я по въевшейся привычке пытался раздвинуть бёдра, чтобы открыть ему доступ к стратегически важным местам. Вот только это было крайне болезненно. Мои страдания прекратил Никита, сдвинув ноги обратно.

— Нельзя, — только и прошептал он. Я воспринял это, как собака команду хозяина. То есть, перестал рыпаться вообще.

А дальше мне оставалось только попытаться глушить свои стоны, что у меня всегда плохо выходило, и цепляться за волосы Никиты. Потому что он накрыл мой стояк своим ртом и просто издевался, не позволяя мне потереться о себя, легонько щекотал член и мошонку языком.

— Н-никита! — умоляюще застонал я, сопровождая это давлением своих рук на его затылок. Мне уже было абсолютно наплевать на посторонних в доме, только бы получить обещанное его языком наслаждение.

Брат, наконец, внял моей просьбе. Взяв мой член одной рукой, он обхватил губами головку и медленно стал двигаться по стволу, то всасывая плоть, то ослабляя давление. Понятное дело, что собрать себя по частям я смог только когда кончил.

Вот в такие моменты Никита всегда напоминал мурчащего кошака. Довольная улыбка никак не желала покидать его губ, частенько с остатками на них моей спермы, которые то и дело теревил его влажный язык. Зрелище было еще то, а главное, просто гипнотизировало своей откровенной эротичностью.

Полюбоваться на это брат мне не дал. Одед меня обратно и вышел из комнаты. В общем, правильно не дал, иначе одним минетом не обошлось бы. И вот тут я вспомнил о его отце на кухне, который всё это слышал. Так стыдно мне не было за всю мою жизнь!

Андрей Сергеевич ушёл, не попрощавшись со мной, что меня несказанно порадовало. Смотреть ему в глаза после того как кричал, кончая от минета, который делал его сын, я был просто не в состоянии. Это только Никита мог оставаться спокойным и невозмутимым, будто мы тут цветочки на окне весь день поливали!

О моём переезде пока не говорилось ни слова. Я так и не понял, было ли услышано моё мнение. Или его как всегда проигнорировали, потому что со стороны Никиты это была традиционная позиция.

В горизонтальном положении пришлось провести неделю, оба Андреева настаивали на постельном режиме. Радовало одно — Никита был рядом. Постельный режим мы соблюдали, только не совсем точно, потому что изначальный «покой и постельный режим» в нашем исполнении получился «активный постельный режим».

Не обошлось без неожиданностей, а для меня так и шокотерапии. В один из дней, когда я уже мог сидеть, а у брата вновь проснулось желание немного «поиграть», все пошло совсем не по тому сценарию, к которому я привык.

Вернее, сначала ничто не предвещало бури. Я, сидя в постели, играл с членом Никиты и слушал его сбившееся дыхание. Оттягивал крайнюю плоть и нежно водил языком по уздечке. Рука на затылке собрала волосы в кулак, фиксируя мою голову в одном положении. Член терся о мои губы, которые я открыл, чтобы впустить его в рот, после чего сомкнул, чтобы плотнее обхватить...

И тут Никита забрал у меня «игрушку»! С обидой и нетерпением я посмотрел на брата. Не понимая, что ему не понравилось. Гадая, нужели зубами задел?

Никита вытащил из карманов смазку и презервативы, положил их рядом с кроватью и стянул остатки одежды. Я не очень понял зачем, ведь в тот момент заняться сексом мы не могли. А вернее, не мог я. Тем временем брат забрался ко мне в кровать, смещая меня на край, и по-хозяйски заваливается на спину. Я удивленно пялился на это действие, но с вопросами не спешил. Сначала стоило попробовать, чего я хотел от Никиты на самом деле. А потом спрашивать, чего хочет он.

Никита валялся голышом на моей кровати, из-под полуопущенных ресниц бешено сверкали его глаза. Больше всего в этой картине возбуждал его нагло торчащий член, тогда как поза была полностью расслабленной.

Я начал с осторожного поглаживания открывшегося испытательного полигона. Потом в ход пошёл рот со всем своим потенциалом. Боевой комплект, блин, губы, язык и зубы. Обожаю торс Никиты, и свое восхищение ему я выразил поглаживанием, поцелуями от пупка к груди, языком вывел обратный путь к пупку и нырнул в это отверстие, извращаясь там языком и прикусывая кожу зубами. Протяжный стон был мне наградой. Я переместился к груди, а именно, вонзил зубы в левый сосок, втягивая тот в рот, посасывая. Рукой надавил на правый сосок. Кто б мне раньше сказал, что мужские соски такие сексуальные? Маленькие и беззащитные, но от меня не спрячешься. Эта игра надолго меня захватила. Пока не я осознал, что в пылу эксперимента залез на Никиту, и теперь мы тремся друг о друга возбужденные до крайности. Я стянул с себя пижаму, она только мешала.

Никита накрыл мои ягодицы ладонями, поглаживая их. Как же я его хотел в тот момент!

— Возьми меня! — хрипло попросил брат, чем поставил меня в тупик.

Всё, о чем я могу думать тогда — это о его губах. Но Никита перехватил подушку, запихнул её себе под задницу, подхватил с пола смазку и презик. Презерватив он швырнул мне, а сам широко раздвинул ноги, нанёс гель на пальцы и проник ими в собственную задницу, отчего у меня внутри будто скрутился тугой узел вождления. Тюбик Никита тоже метко запустил в меня и, пока я судорожно упаковывался в презерватив и наносил гель на член, его пальцы всё дальше проникали в покрасневшее отверстие.

Вид Никиты с раздвинутыми ногами, жадно принимающей пальцы дырочкой, всё его раскинувшееся подо мной телом невероятно заводило! О таком я и не мечтал. У меня просто сносило крышу!

Я суетился, одурев от желания. Меняхватило ещё немного растянуть его пальцами, но долго я терпеть не мог. Мне надо было немедленно оказаться в нём! Что я и проделал, судя по всему, крайне неуклюже. Никита напрягся и выгнулся, помогая мне проникнуть внутрь. Думаю, приятно ему не было ни сколько, но остановиться мне было невозможно.

Позже он ещё не раз позволял мне себя брать, но больше я не срывался. Вернее, с того раза я всегда помнил о его удовлетворении, а не только о своём. Он, конечно, ничего так и не сказал, но мне от этого было не легче.

* * *

— Никита, я собираюсь встретиться с Ромой, — огорошил я брата.

Долго обдумывал, стоит ли и надо ли, но пока не разберусь с небесной стервой, покоя мне не видать. До начала учёбы ещё две недели, после вспышки агрессии Никиты я уже оклемался. К своему отцу брат меня так и не отправил. Так что пора.

Сказать, что отразилось на лице брата после моей новости, было сложно и страшно. В таком бешенстве я Никиту ещё не видел.

— Что, разнообразия захотелось? — зло прошипел он.

А кто сказал, что будет просто? Я сам не знал, чего от себя ждать.

— Нет. Но разобраться я должен, хотя бы ради Жеки.

— А с этим гомиком ты вообще больше не увидишься!

— Он мой друг. К тому же я тоже гей, так что не вижу никаких препятствий нам дружить.

— В том-то и проблема, что вы оба бляди! — сказал, как выплюнул, Никита.

Было больно. А чего я ожидал, правда всегда болезненна.

— Мне надо разобраться! Что толку убегать от проблем. Потом будет хуже. Лучше узнать всё прямо сейчас, чем потом это достанет меня, когда я буду совершенно не готов.

Никита зажмурился, пытаюсь, видимо, совладать с собой.

— Только в моём присутствии, — твердо сказал он, когда открыл глаза. Во взгляде же его отразился холод и отстраненность.

«Вот и всё», — промелькнуло в голове.

— Как скажешь, — поспорить я бы мог, но ведь в итоге всё равно бы подчинился, так что смысла особого не было и начинать.

И вот мы собрались у Романа. Я, Никита, Жека, которого я всё же уговорил поприсутствовать, и хозяин дома. Всем было не по себе. Рома с жадностью и тоской разглядывал своего возлюбленного. Мы с Жекой были мирно настроены по отношению друг к другу, но холодность присутствовала. О Никите я вообще молчу. Брат выглядел полностью собранным и способным на убийство.

— Итак, начнём, — решил не тянуть потерявший свой нимб крылун. — То, что произошло на выпускном, спровоцировал я. Не знаю, что конкретно на меня нашло. Но вечная бравада Сани о его «натуральности» достала. Я ему не нравился, поэтому мне хотелось раз и навсегда с этим разобраться. А вернее хотелось знать причину. Разговор ничего не дал, поэтому в тот момент узнать всё таким способом показалось удачной идеей.

— И как? Узнал? — с издёвкой спросил я.

Было обидно.

— Ага. Первое, ты гей. Второе, мазохист, помешанный на подчинении. Третье, ты в меня не влюблён. Четвёртое, от тебя сносит крышу, — спокойно перечислил свои открытия, потускневший от своей нелёгкой жизни ангелок.

На такую наглость я даже не знал, что ответить!

— То есть, ты его хотел? — уточнил Жека, отчего с лица ныне пощипанное пернатое отродье совсем спал.

— До того как набросился на него с поцелуями — нет. Потом... да. Но нужен мне только ты, Женька! Если бы я знал, во что всё это выльется, близко бы к нему не подошёл! Да и когда вы нас увидели, мы уже остановились.

Я разозлился.

— Вот только не надо обвинять во всём меня! Можно подумать, я тебя в постель тянул!
— возмутился его попытке спихнуть вину на меня.

— А тебе и не надо тянуть в постель, — подал голос Никита. — Просто глянешь из-под ресничек, и тебя прямо у стеночки отымеют и в ротик, и в попку. Пока ты полностью удовлетворён не будешь.

У меня от возмущения и шока от того, что мой брат такое обо мне говорит, просто в голове не укладывалось всё сказанное им. И самое поганое слова Никиты, судя по всему, были правдой.

Двое свидетелей его спича с удивлением и непониманием смотрели на нас. Конечно! Я же их не посвящал в наши отнюдь не братские отношения. Для них он моя семья, кровный

родственник и опекун.

— Хочешь сказать, что я шлюха? — зло бросил я Никите.

— Именно. Притом любишь, чтоб тебя пожёстче брали, а это заводит. И сопротивляться ты при этом совершенно не в состоянии.

От такой наглости я задохнулся. Хотя, в общем-то, понимал, что он прав, но говорить такое при всех!.. А эти самые «все» в шоке уставились на нас.

Хм... Неужели заподозрили, что Никита это не просто так сказал? Опыт, так сказать, ощущался, ведь он на собственной практике убедился в моей слабости по отношению к крепкой мужской хватке.

— Э... Никита, может, не стоит так говорить о брате. Он не виноват в том, что произошло, — вежливо попытался уговорить его Женя.

Он, наверное, решил, что у брата приступ гомофобии.

— Не виноват, говоришь... — как-то очень спокойно и настораживающе ласково бросил Никита.

После чего он оказался рядом, рывком поднял меня с кресла и жёстко впился в мои губы. Боль на миг ослепила. Я попытался сопротивляться, отслеживая каким-то кусочком сознания перепуганные возгласы и возню рядом. Это продолжалось недолго, ровно до того момента, пока брат не прижал меня к себе. Больше я не сопротивлялся, покорно открывая рот и запрокидывая голову. То есть, сделал всё именно так, как он только что и предсказывал. После чего меня опустили обратно в кресло. Горящий взгляд Никиты потух, и он тоже вернулся на своё место.

Невольные свидетели этой сцены застыли, непонимающе скрестив взгляды на мне. На брата они не смотрели, то, что он готов был прибить кого-нибудь, было очевидно. И потому жертвой своего любопытства Рома и Жека выбрали меня.

— Что это только что было? — первым решился спросить Роман.

— Демонстрация! — с отвращением пожал я плечами. Да! Никита подтвердил свои слова и показал, кому я принадлежу. Всё по полкам разложил, зараза! — Но мы не из-за этого тут сидим! В общем, Роман нажрался и решил прояснить для себя вопрос о моей к нему нелюбви и попутно просветить меня относительно моих сексуальных предпочтений. Увлёкся. Что, собственно, вы и видели.

Я прикрыл глаза. Чёрт-те что! Ну, зачем Никита стал меня при посторонних целовать? Однако это сейчас было не главным. Мысли вновь упорно вернулись к событиям выпускного. А именно к вопросу, зачем Роман полез меня целовать, и тому, что из этого вышло. Назойливо мучило, почему мне не нравилась эта ангелоподобная сволочь? Ведь изначально я проникся к нему симпатией. А потом был тот разговор и я его почти возненавидел за то, что он видит: во мне не осталось «невинности». Уже тогда меня от

Никиты крыло, о какой невинности разговор, когда ты, пусть и подсознательно, хочешь быть оттраханным собственным братом? Я был уязвлён его пронизательностью, тем, что он разобрался и в Жеке, и во мне и предпочёл его, потому что тот «невинен»... телом — нет, а вот душой — да. Роман тогда назвал это искренностью. Но я всегда понимал это иначе. И еще он хотел защитить Жеку, хотел быть рядом с ним, а меня Никита бросил. Было обидно. В общем, тем разговором Рома хорошо прошёлся по всем моим мозолям.

Я подумал, стоит ли говорить об этом другим. Глянул на Романа, всего такого виноватого, исстрадавшегося. На Жеку, раздавленного той сценой, но до сих пор державшегося лишь каким-то чудом, а сейчас рядом с Ромой вновь оживавшего. На Никиту... брат был невозмутим. Только я не поверил ему, потому что обычно его губы не были сжаты так плотно, а морщинка между бровей не была столь глубокой. Невозмутимость Никиты была ненастоящей.

Решив, что от моих откровений хуже будет только мне, а остальным и так хуже уже некуда, я выложил всё. Жека и Роман удивились и не совсем меня поняли. Никита всё так же изображал загадочность и невозмутимость. На том мы и разошлись. Ну, почти. Я отослал всех, а сам вернулся на пару минут в квартиру недокрылуна.

— Что-то забыл? — спросил Роман, открывая дверь.

Мой кулак был ему ответом. Боль прошла от костяшек до запястья. И я только понадеялся, что белобрысой сволочи было больнее.

— Кажется, я предупреждал тебя насчет Жеки. Так вот, не исправишь положение — пеняй на себя!

Слов, которые он там хотел или мог мне сказать, я ждать не стал, развернулся и ушёл в машину к Никите и Жеке.

Брат и друг — оба были на взводе.

Моё возвращение Никита и Жека встретили хмуро. Но беспокоились, судя по всему, о разном. Вернее, беспокоились они об одном и том же, но в отношении разных людей. Брат жадно исследовал моё лицо на наличие «следов преступления», в общем-то, друг делал тоже самое.

— Ничего не было, — я поспешил их успокоить.

— Ну да? Костяшки об косяк поцарапал, — заметил Никита.

— Это был мужской разговор, — гордо вскинул я голову и забрался на заднее сидение к Жеке.

— Что с Ромой? — с беспокойством спросил друг.

— Да что твоему дылде сделается, у него череп чугунный! Это скорее моей руке триндец! — возмутился я под дружный хохот Жеки и Никиты.

Похоже, пронесло. Никита никого не убил. Жека немного оттаял. Идиллия!

* * *

А дома меня ждало нечто особенное. Никита в ярости. Так что от порога мы далеко не ушли. Вернее, мы и от двери-то не ушли. Меня уткнули лицом в дверь, стянули штаны и вставили мне хорошенько. Я был полностью удовлетворён. Это-то и пугало.

Видимо, брат разделял мою тревогу. Мы прошли в гостиную и судя по сумрачному виду, у Никиты было, что сказать:

— Продолжим откровения, чтобы уже не возвращаться к этому. Я когда о тебе узнал, сразу решил, что ты мне не брат, — выдал он, разглядывая моё лицо. Такого я не ожидал и просто застыл, плюхнувшись на диван, а Никита продолжил: — Ребёнок шлюхи не мог быть моим братом. Поехал взглянуть на то, что осталось от женщины, которая никогда не была мне матерью. Увиденное меня поразило, выбило почву из-под ног. Оставить тебя в приюте я не смог, как и избавиться впоследствии. А потом стало поздно. Братом я тебя не считал, но хотеть парня и, более того, кровного родственника, — уже чересчур. Я не признавал очевидное, сколько мог... Но сын шлюхи тоже оказался шлюхой.

Я вздрогнул от его слов, как от пощёчины. Он уже говорил, что я шлюха, но я почему-то не воспринял это всерьёз. Только сейчас понял, что он так обо мне в действительности думает! И что теперь? Не давать братику?.. Если бы я мог. Да, я шлюха и блядь! Но, чёрт возьми, его шлюха и блядь!

— Так что никаких угрызений совести я не испытал, — тем временем продолжил он. — Правда, гордость не позволяла подчиняться прихотям сопляка, а упрямство говорило, что я сильнее. И я тебя отослал, а сам сбежал в Америку. Пытался проверить, насколько я гей. Но, сколько ни пробовал, ни черта не получилось.

Никита нервно прошёлся до окна и вернулся к дивану, на котором расположился я.

— Вернулся — и всё по новой! — его голос задрожал от возмущения. — Снова желание, снова самое важное — сопляк. Уйма народа, сующего к тебе свой нос, бесила. Присутствие этого Романа, твой друг гей, младшая девчонка Морозовых вечно вертится под ногами. Над всем этим понимание: какая же ты шлюха! То, что я тебя трахну, было вопросом времени. Только секс ничего не менял. То, что до меня у тебя никого не было, не успокаивало. Ведь главное начать.

А потом я сорвался, думал, убью. Испугался, как никогда. Мне это не понравилось. Когда ты с отцом говорил... Всегда думал, буду в таком разговоре на его стороне. Но не был. Ты был прав, моя прошлая жизнь — не жизнь. А когда я понял, что ты всё это время считал меня братом... Даже не знаю!.. Я себя предателем и последней сволочью почувствовал. Сам я о нашем кровном родстве не вспоминал. А у тебя кроме меня никого не было. Друзья не в счёт. Нет ничего важнее семьи. Отец предлагал тебе уйти... Но, если ты считал меня своей семьёй, как ты мог уйти? А если ты всё время думал только о том, чтобы тебя не выгнали?.. В общем, причин думать, что ты меня не хочешь, у меня не

было, но мне надо было точно знать. Так мне пришло в голову предложить тебе себя... Не думал, что это вызовет такую массу эмоций, как с твоей стороны, так и от себя... не ожидал. И не то, чтобы мне понравилось, особенно в первый раз... но, как ни странно, от мысли быть под тобой я не отказался.

Никита на мгновение закрыл глаза, будто собираясь с силами.

— И тут опять замаячил Роман! Ты сам сказал, что он тебе понравился. И тогда на выпускном его действия тебе тоже понравились. Я был... нет, я до сих пор в бешенстве! И этот тоже хорош, что он в твоём друге нашёл? О какой невинности вы говорили, если твой друг меняет партнёров чуть ли не ежедневно?

Для меня сейчас понять всё это было невозможно. Надо было осмыслить, но отчего-то было так больно!

«Он меня шлюхой считает...» — упорно билась в голове мысль. А раз не уважает, как может любить? Надо было хоть что-то ответить... сказать, что-то, что я понял.

— Думаю, я гей. И мужчины в целом меня привлекают. То, что вы с Ромой обо мне говорили, наверное, правда. Хотеть я могу кого угодно. Проблема в том, что мне никто, кроме тебя, не нужен, — голос был хриплым и едва слушался.

— А если то, что ты чувствуешь — это только братская любовь? — не согласился со мной Никита.

— Ты хоть сам понял, что сказал? — как бы мне сейчас ни было плохо, я выдавил улыбку. — Где ты видел «братскую любовь» с постоянными отсосами и перепихом? Даже если я считаю тебя братом и своей семьёй, это не мешает мне любить тебя, как возлюбленного.

Э-хм? Какое смущающее слово... хотя «любовник» звучит грубо.

— А Романа ты тоже любишь? — что выражал голос брата, я не понял.

— Романа я вообще не люблю! Он мне как человек понравился. Мне просто было обидно, когда в сравнении с Жекой я проиграл, — и, опережая его возражения: — А то, что я его хотел, так это потому, что подросткам по возрасту положено хотеть всё, что движется.

Никита помолчал всматриваясь в моё лицо.

— Саша, боюсь, что тебе придётся принять то, что ты мой. Запомни, я не потерплю никого другого в твоей постели. Ты сам сказал, что любишь меня. И как бы это ни было дико, мне, кроме тебя, тоже никто не нужен. Говорить тебе о любви... я пока не научился, но зная тебя... тебе недолго осталось ждать.

Чего ждать? Я и так получил, что хотел. И, несмотря ни на какую боль, я его не отпущу. Это уже давно не обсуждается. Но легко точно не будет. Когда жизнь была лёгкой?

Глава 4. Вместе — раскрывая души

Началась моя студенческая жизнь. Общась со сверстниками, я, наконец, осознал, что сексуально меня привлекают именно парни. Пришлось признать, что я действительно гей. Меня это не устраивало, но изменить я ничего не мог. Можно было только отводить взгляд от особенно понравившегося мальчика, и постараться не палиться.

Наши с братом отношения «трясло». После его откровений мне было очень больно. Возможно, даже больнее, чем когда он сказал, что ненавидит меня. В его чувствах ко мне преобладало презрение.

Успокаивало одно: он меня хотел и отпускать не собирался. А мне так нужно было чувствовать себя важным и необходимым ему. Впрочем, исходя из его же собственных слов, он от меня уже пытался убежать и ничего-то у него, бедненького, не получилось. И не получится! Пускай даже не мечтает. Не позволю!

Ага. Вот, исходя из таких побуждений, я его и доставал. Как это получалось, сам не понимаю, но хотел его и, в результате, делал всё возможное, чтобы получить. Причем просто заполучить его в постель мало. Мне было необходимо довести его, чтоб он меня вбил в эту постель. Чем жёстче — тем лучше.

Такая тактика оставляла на мне кучу синяков, засосов, ссадин. Конечно, это немного пугало, особенно понимание, что я специально нарываюсь, но поделаться с собой я ничего не мог. Непреодолимая потребность всегда побеждала. Мне был необходим жёсткий трах.

Никита заволновался. Пытался сдерживаться. Но поскольку его сдержанность не входила в мои планы, у него это плохо получалось. И в результате, как он когда-то и предсказывал, я всё равно своё получал. А брат опять недоволено хмурился.

Через какое-то время он сообразил, что избавит нас от садомазохизма, если будет придерживаться пассивной роли... Только ему это никогда особенно не нравилось и не удовлетворяло.

Так или иначе, но мы потихоньку сближались. Правда, о взаимопонимании речи пока не шло. Это был всё тот же секс, но теперь... более «теплый», что ли? Я мог уснуть у него в постели, а, проснувшись, находил его рядом. Мы часто созванивались. Никита регулярно появлялся дома. Мы вместе ели, смотрели телик, говорили о всякой ерунде. Пытались не обострять отношения. Получалось так себе.

Андрей Сергеевич стал нас навещать. Как оказалось, раньше Никита только что у него не жил. Вот где эта зараза пропадала неделями! Так что теперь, когда брат постоянно жил дома... Как говорится, «если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе». Отец Никиты хоть и не радовался происходящему между нами, но относился ко всему лояльно и больше не вмешивался, что меня в нём всегда поражало. Он даже пытался меня не замечать. Ну, не нравился я ему и всё тут!

Мы с Женькой продолжили общаться. Они с Романом понемногу помирились. Хотя прежние отношения, конечно, не вернуть. Зато теперь между ними царили трепетность и понимание. Ко мне оба относились настороженно, зато сошлись с Никитой. Особенно с братом ладил Жека. И мне пришлось признать, что я ревную Никиту к другу.

Морозовы к нам тоже заглядывали. Ира так чуть ли не еженедельно забегала. Она продолжала совершенствоваться в остротах, споря с Никитой. В моменты их увлечённых ядовитых диалогов я чувствовал себя лишним. Со стороны они смотрелись очень мило. И я опять осознавал, что ревную брата теперь уже к Ире.

Каждый раз после таких эмоциональных встрясок мне требовалась разрядка. Стоило гостям покинуть дом, и я набрасывался на Никиту или провоцировал его на действия.

Никак не получалось привыкнуть к тому, что он рядом и никуда не исчезнет в один прекрасный день. Мне нужны были доказательства. Того, что брат никуда не денется, что хочет меня, что не отпустит.

* * *

Мой день рождения мы праздновали с Ромой, Женей, Ирой и Никитой в китайском ресторанчике. Почему китайском? Это я так хотел над ними приколоться. Прикололся в результате только над собой. Все отлично справлялись с палочками. Все. Кроме меня. Так что за нашим столом было весело. А мне вот всю жизнь казалось, что развлекать должны именинника.

— Сань, ротик открой пошире, так больше вероятности, что попадёшь, — глумилась эта пародия на ангела.

Какие ангелы? В каком месте? Да этой сволочи только рогов и копыт не хватало!

— Смотри, вот как надо держать... журавликом, — советовала Иришка.

И это у неё был журавлик? А почему он в позе рака? Она явно надо мной издевалась?! У меня так пальцы не гнулись, чтобы эти палки полноценной «прищепкой» стали.

— Давай я тебя сам покормлю, — спокойно предложил брат, а у самого толпа чертят в глазах.

Ага, он мне поможет. А кто мне потом кончить будет помогать? Довести — доведёт! И будет любовно пялиться, пока я буду мучиться, это мы уже проходили.

— Отвалите. Девушка, дайте ложку. Можно вместо ложки верёвку и мыло, — обреченно попросил у официантки я.

Подошедшая девушка тоже весело скалилась и резво убежала за требуемым. Закралась предательская мысль, что, наверное, верёвка и мыло давно приготовлены.

— Зачем тебе верёвка и мыло? — типа не понял Жека.

А ещё друг называется.

— Руки мыть и макраме плести, — огрызнулся я.

Все опять заржали. Да чего это с ними, накурились, что ли, или в еду чего подмешали? Им палец сейчас покажи... я поразмыслил над пришедшей идеей и на самом деле показал средний палец. Эти весельчаки чуть ли не под стол попадали. А ведь мы даже не пили!

— О, да! Сань, ты у нас теперь большой мальчик. Так что будет тебе и фак, и спиртное, и сигарета! — просветил меня Рома.

Можно подумать у меня раньше ничего этого не было.

Официантка вернулась и вручила мне ложку, а я, наконец, смог пожрать. После чего уже не чувствовал себя таким раздражительным и злым. Но решил, что Никита всё равно мне должен. И плевать, что устроить день рождения с друзьями в китайском ресторане было моей идеей.

* * *

Шумный день остался позади. Друзья с их шутками тоже. Вечер с Морозовыми, где меня чуть не споили, только что закончился. Мы с братом наконец вернулись домой. За своё терпение я должен был получить вознаграждение.

Подойдя к Никите сзади, я обхватил его за талию и потёрся об его спину щекой. Он был всё ещё выше меня, хотя я и подрос.

Мне стукнула в голову любопытная мысль, которую я сразу решил воплотить в жизнь. Затуманенный алкоголем мозг отозвался вялым посапыванием.

Отойдя от брата, я прислонился к стене спиной, одну ногу согнул в колене, упираясь стопой в стену. Никита напряжённо за этим наблюдал, и подходить, кажется, не собирался. Что ж, сам виноват. Продолжим представление.

Мотнув головой, чтобы чёлка легла на глаза, я глянул на брата сквозь занавесь волос. Одним плавным движением отлепился от стены и, покачиваясь в такт воображаемой музыке, стал стягивать с себя одежду. Судя по сжатым кулакам и расставленным ногам брата, получалось у меня неплохо. Оказавшись без одежды, я облизнул указательный палец, затем средний, засунул оба пальца в рот и, прикрыв глаза, стал их посасывать, время от времени вытаскивая и облизывая. После чего развернулся лицом к стене, упёрся в неё одной рукой, прогнувшись в пояснице и поставив ноги на ширину плеч, засунул оба обслюнявленных пальца себе в задницу. Стоя у стены и глухо постанывая от движущихся в анусе пальцев, я возбуждился. Мне захотелось большего.

Никита мои затруднения разрешил. Хорошо, что я успел себя подготовить. Брат резко отдернул мою руку от зада и вошёл сам. Я только успел охнуть, после чего выгнулся ему навстречу и ещё шире раздвинул ноги. Никита же одной рукой с силой схватил меня сзади за шею, другой сжал мой член. Я упирался в стену обеими руками, стараясь зафиксироваться в одном положении. Резкие жёсткие толчки сотрясали всё тело.

И вдруг всё прекратилось. Я протестующе что-то простонал. Никита развернул меня лицом к себе и снова вошел, держа одной рукой за горло, другой подхватив под колено и держа на весу мою ногу.

Приходилось как-то удерживать равновесие на одной ноге и руках, ладонями скользя по стене. При этом рука брата не прекращала сжиматься на горле и, если я начинал съезжать по стене, он сильнее сжимал пальцы. Наконец воздуха катастрофически перестало хватать, гортань саднило от боли. Взгляд затуманила пелена слёз, и вот они потекли по щекам, достигая руки Никиты. Он вздрогнул и остановился.

Ноги подкашивались. Отдышавшись и прокашлявшись, я потянул его к кровати.

— Саша, может, на сегодня хватит, — постарался воззвать к моему здравому смыслу брат. Бесплезно. Желание было сильнее.

— Нет уж... У меня сёня... день рождения... как никак, — просипел я. Чтобы что-то сказать, надо было сильно напрячься.

— Он был у тебя вчера.

— Тем более... ведь свой подарок от тебя... в виде секса... я ещё не получил.

И потом, как он думал остановиться, если мы оба были на взводе?

— Можно подумать, за сутки что-то изменится.

— Не хочу ждать... своего главного подарка, — упёрся я.

— Давай, я снизу буду? — предложил Никита.

— Видишь ли... у меня сил никаких, — навалилась слабость, так что на кровать я рухнул.

— Не проблема. Расслабься и получай удовольствие.

Уложив меня на спину, Никита сцапал смазку и, растянув себя, оседлал мои бёдра. Обожаю смотреть на то, как он насаживается на мой член: закушенная губа, сосредоточенное лицо, лихорадочно поблёскивающие глаза...

Я взял его член и начал ему дрочить. Брат постепенно расслабился. Так-то лучше.

* * *

На утро мою шею украсили жуткие синяки, горло саднило. А с кухни слышался громкий голос Андрея Сергеевича:

— Сходите к врачу! Вы оба уже совершеннолетние. Ваши отношения просто ненормальны. Ты сам говоришь, что мужчины тебя не привлекают, но спишь с геем. С братом. Скатываясь в садизм.

— Это не твоё дело! — Никита, похоже, сердился.

— Если бы! А передачи тебе в тюрьму бабушка носить будет? Ты его когда-нибудь убьёшь! Я не хочу, чтобы мой сын становился убийцей!

Ого, как всё далеко зашло. Я прям жертва маньяка убийцы и насильника.

— У меня есть знакомый сексолог... Я уже говорил о вас с ним. Просто сходите один раз на прием! — уговаривал Никиту отец.

Брат, похоже, задумался над его предложением. Мне идти к этому врачу не хотелось, но вдруг Андрей Сергеевич прав. Я-то, в случае чего, просто перестану существовать и что-либо ощущать. А что будет с Никитой? С ним уже не всё так. И кто виноват?

Я вошёл на кухню. Андрей Сергеевич профессиональным взглядом скользнул по моей шее. Никита посмотрел на меня с мукой во взгляде. Мне с одной стороны было брата очень жаль, а с другой... было больно, так что — так ему и надо, пускай помучается.

— Когда мы должны быть у этого врача? — просипел я.

Всё. На этом моя миссия была выполнена. Никите я дал понять, что согласен на поход к врачу. Теперь можно было выйти и позволить брату решать, идти или нет.

* * *

К сексологу мы попали уже через три дня. Синяки у меня пока полностью не сошли, глотать всё ещё было больно, голос звучал сипло.

— Здравствуйте. Я Никита Андреев. Нам назначено, — зайдя в кабинет, сказал брат.

— Здравствуйте! Меня зовут Яковлев Евгений Валерьевич. Никита, Александр, присаживайтесь!

Мы уселись напротив доктора. Евгений Валерьевич заговорил:

— Мне кое-что о вас рассказывал Андрей. Но давайте начнём с самого начала. Я так понимаю, вы братья и секс-партнёры, — мы синхронно кивнули. — У вас нет проблем со своей гомосексуальностью? С тем, что ваш партнёр близкий родственник?

— Никаких, — твердо ответил Никита.

— Меня не устраивает то, что я гей. Но тут ничего не поделаешь, — вынужден был признать я.

— Александр, а инцест вас не смущает? — уточнил врач.

— Нисколько, хотя мне самому кажется это странным.

— Почему же тогда гомосексуальность вас не устраивает?

— Потому что мне нравятся парни, это неправильно. Я вообще считаю, что раз ты любишь человека, никого другого ты хотеть не должен по определению. Только так не получается, и меня это раздражает. Не вижу ничего странного в наших отношениях с братом, потому что люблю его. Но думаю, будь на его месте кто-то другой, я бы считал такие отношения неправильными.

— Никита, как вы относитесь к гомосексуальности своего партнёра?

— Меня это бесит.

— Поподробнее, пожалуйста.

— Мне не нравится то, что его могут привлекать другие мужчины. Впрочем, женщины меня бы тоже не устроили.

— Ясно. Теперь относительно проблемы, из-за которой вы ко мне обратились. Расскажите подробнее, когда вы начали замечать, что вас привлекает садомазохизм. Так было с самого начала?

— Нет, сначала такого не было, — постарался припомнить я.

— Думаю, предпосылки были. Но угрожающий характер это стало нести после того, как однажды я избил Сашу... и не только избил. Он это очень спокойно воспринял. В общем, мне всё сошло с рук. И развязало руки... Наши отношения с того случая стали более тёплыми и спокойными. В сексе же я начал необоснованно применять силу. Однако это характерно только для ситуации, когда я в роли актива, — вдумчиво сказал Никита.

— То есть, в пассивной роли вам не хочется причинить боль вашему партнёру? Вас удовлетворяет пассивная роль?

— С моральной точки зрения быть пассивом меня устраивает, физически — нет. Издеваться над Сашей в таком положении совсем не тянет, скорее, хочется... ласки.

— А вы что скажете, Александр? Вас устраивает роль актива? Что вы думаете о приступах жестокости Никиты?

— Мне больше нравится быть снизу. Но и активом я быть не против — это заводит.

Главное, чтобы это был Никита. Неважно, в каком положении и при каких обстоятельствах.

— Вас не пугает возможность получения увечий?

— Меня ничего не пугает, если он останется со мной.

— То есть вы боитесь, что Никита вас оставит, поэтому предпочитаете мириться с его поведением?

— Конечно. Я боюсь, что он меня оставит. Ведь он уже уходил. И я не терплю его поведение, я его провоцирую, — объяснил я, сохраняя спокойствие, хотя внутренне меня колотит. Ведь в этом я сам себе старался не признаваться.

— Провоцируете жестокое к себе отношение? То есть, вас удовлетворяет, когда с вами жестоко обращаются?

— Верно. Если он будет жесток, то потом ему придётся сидеть рядом. И он никуда от меня не сможет уйти.

— Значит, причина всё-таки в боязни потерять партнёра. И проецируя на себя его жестокость, вы пытаетесь его контролировать. Что скажете, Никита? Почему вы постоянно поддаетесь на провокации?

Никита молчал. Мне показалось, что зря я заговорил так откровенно. А что я мог? Врач не поможет, если не будет знать, где нужна помощь. Но что если брат, узнав обо всех моих мотивах и действиях, станет презирать меня ещё сильнее, что, если возненавидит? Обманывать себя, что без него я смогу жить, глупо. Он мне был нужен, просто необходим. Пусть жестокий. Какой угодно. Только пусть бы он был рядом.

— Я сделаю всё, чтобы он остался. Если ему нужна жестокость, я буду жестоким. Если нужно моё подчинение, я буду подчиняться. Я не желаю нуждаться в нем, но не могу иначе, — наконец заговорил Никита.

— И за то, что нуждаетесь, вы ждёте наказания? — на это брат неуверенно кивнул, а Евгений Валерьевич продолжил, обращаясь к нам обоим: — Что могло сформировать в вас такой страх к потере партнёра?

— Мать, — ответил Никита.

— Мама, — в то же время сказал я.

— То есть?

— Мать ушла из дома, когда мне было десять.

— Мама была единственным родным мне человеком. Отца я таковым не считаю. Она обращала на меня внимание только когда ругала или наказывала, — ответил на вопрос я

вслед за Никитой.

— Что ж, попытайтесь осмыслить услышанное. И не позволяйте вашей матери портить вам жизнь, оставьте ей прошлое. Будущее должно принадлежать только вам. А теперь скажите, правильно ли я понял, что Сашу привлекает мазохизм, а Никиту садизм?

Мы с братом опять синхронно кивнули, я же уточнил:

— Но для Никиты быть пассивом тот же самый мазохизм.

— Ваша мать повлияла на формирование психологических девиаций виктимного характера у вас обоих. После насилия ситуация усугубилась, поскольку жестокость и боль удерживали партнёра рядом, вы подсознательно приняли это за схему поведения. Виктим, то есть вы, Саша, провоцирует агрессора на необходимые ему действия. Агрессор — вы, Никита, старается давать требуемое. Такой стереотип поведения не плох, но в вашем случае девиация несёт угрожающий характер. У меня есть предположение, что проявление вашего садомазохизма возможно свести к игре, если вы поменяетесь местами в причинении физической боли. Может помочь проецирование образа вашей матери на партнёре.

— Вы с ума сошли! Да идите к чёрту с такими предложениями! — я вскочил со стула и вылетел из кабинета.

Меня трясло от предложения сделать брату больно. Дело даже не в том, что если я сделаю что-то не так, Никита от меня уйдёт. Я просто в принципе не мог причинить ему боль.

Брат за мной не пошёл, и мне пришлось ждать его у машины.

* * *

Визит к сексологу мы с братом не обсуждали, зато обдумывали. Никита так вообще погрузился в себя. Меня это немного нервировало. Главное, чего я боялся, что этот поход к врачу поставит жирный крест на наших отношениях. И основания были. После обоюдных откровений сексом мы не занимались, брат ко мне с того момента даже не прикасался.

И вот как-то вечером Никита пришёл в мою комнату.

Я же решил на сон грядущий почитать под успокаивающую музыку. Оторвав взгляд от книги, я в немом удивлении вскинул бровь.

— Я поговорить с тобой хотел, — как-то флегматично начал он.

А я напрягся. Поговорить? Это плохо. Очень плохо! Хотел бы продолжения наших отношений, действовал бы, а не разговоры говорил. Наброситься на него? И что потом? Даже если переспит со мной, это не изменит его решения. Зато я получу ещё одну ночь в

его объятиях.

Придя к решению, я откинул книгу и напряг мышцы, чтобы встать с кровати и выполнить задуманное. Но голос брата, всё это время наблюдавшего за мной, остановил:

— Спокойно! Никуда я не денусь. Хочешь секса — ты его получишь, но сначала мы поговорим.

Значит всё не так или не совсем так, как я подумал. Однако любопытно... Когда меня перестал «замораживать» его взгляд? Почему я этого раньше не заметил? Вот смотрю в его глаза и ничего. Вернее чего... Меня это возбуждает. Но ощущение «кролика перед удавом» испарилось. Или я уже и сам похож на удава, готового проглотить «кролика». Никита в роли кролика меня несказанно позабавил.

— Успокоился? Зря ты ушёл, не дослушав врача. Он предположил, что твои обмороки в переходном возрасте были от неприятия собственной формирующейся сексуальности... неприятия своих желаний. В ситуациях, вызывавших отклик твоего либидо, мозг просто отключался. И вообще, у тебя есть тенденция к развитию нимфомании. Это было и так понятно, но мнение врача всё-таки выслушать стоило. Кстати, почему ты так бурно отреагировал на предложение Евгения Валерьевича поменяться ролями? Или это из-за того, что он мать сюда приплёл?

Предположения врача ввели меня в шоковое состояние, и я некоторое время не мог собраться с мыслями.

— В голове не укладывается, как бы я мог представить вместо тебя маму или ещё кого бы то ни было. Я просто не понимаю, как смог бы причинить тебе боль, это невысказано! — стоило только подумать о таком кощунстве, как адреналин зашкалил.

— А если я попрошу сделать мне больно? — Никита ухмыльнулся.

В других обстоятельствах фраза «сделай мне больно» меня бы тоже развеселила, но не в контексте причинить эту самую боль брату. Лучше сразу себя убить, чтоб не мучиться!

— Нет! — завопил я.

О, да у меня истерика! Чудесно.

— Мне это действительно нужно. Ты же не хочешь, чтобы я попросил кого-то еще? — зашёл Никита с другой стороны.

А вот это нечестный приём! Я задохнулся от возмущения. Было очень больно представлять его с кем-то другим, даже если бы они не занимались сексом. Даже если этот кто-то просто выполнит просьбу брата о причинении боли. Да я собственноручно убью ублюдка, посмеявшегося к нему прикоснуться! Ну и какой ответ я мог дать Никите?

Заметив, что я морщусь со слезами на глазах, Никита быстро сел ко мне на кровать и приобнял за плечи, потрепав волосы и поцеловав в висок.

Наконец-то. Я так по нему соскучился! Воспользовавшись ситуацией, я прижался к его боку плотнее.

— Прости! Не стоило мне на тебя таким способом давить, — зашептал Никита мне на ухо.

Чего он там хочет? Боли? Сейчас. Будет ему боль! Я из него слова о «ком-то ещё» вылью, чтоб и мысли не осталось о других!

— Хочешь сейчас попробовать?

Брат удивлённо посмотрел на меня, потом решительно кивнул и, стянув одежду, лёг на мою кровать.

На мне была пижама, и снимать я её не собирался.

— Согни ноги в коленях, раздвинь как можно шире, — дал я указания.

Никита всё это повторил, но уверенности у него поубавилось. Правильно. Не надо было меня злить!

А вид просто сногшибательный! Я подошёл к кровати, провёл кончиками пальцев по его прессу.

Чего-то явно не хватало.

— Закинь руки за голову, — Никита выполнил просьбу-приказ, и его мышцы пресса напрягаются.

Такое положение дел, кажется, заводило брата. Я обвёл подушечками пальцев сначала один сосок, потом другой. Приложил пальцы к его губам, слегка нажимая.

— Соси.

Брат подчинился, и это было замечательным чувством! Меня так и распирало от желания. Но этого явно было мало. Он хотел боли. А получалось всего лишь подчинение.

Провёл рукой по его телу и ущипнул за соски. Брат от неожиданности вскрикнул и закусил губу. Я несильно ударил ладонью по его вставшему члену. Никита выгнулся и застонал. Я повторил. Он попытался сдержаться. Ещё немного.

— Встань на колени, руки за голову.

Красота! Какое послушание! Уф! Я уже еле сдерживался, чтобы не трахнуть его. Провёл ладонью по его спине, сжал ягодицу. Поглаживая грудь и живот, сжал мошонку. Никита часто дышал. Его спину, лицо и грудь покрыли капельки пота.

— Раздвинь ноги.

Вот так, хорошо. Я провёл ладонью между его ног. Брат непроизвольно дёрнулся мне навстречу. Мои пальцы погладили его вход. Обычно ему это не нравится, но не сегодня. Никита закусил губу и подавил стон. Что ж, мы опять отклонились от намеченного курса. Я с силой ударил ладонью по его ягодицам, получив протяжный стон. Раньше он так никогда не стонал. Жалобно, просительно... Чёрт! Как я его хочу! Похоже, наши садомазо-отношения только начались. Этого врача-гения урыть мало!

Я продолжил бить Никиту по ягодицам, иногда отвлекаясь на член. Но дальше терпеть уже было просто невозможно. Да и по-настоящему больно я сделать ему всё равно не смог бы, не стоит себя обманывать.

— Упрись руками в кровать, — хрипло приказал я.

Полез за смазкой в тумбочку. Тело брата подрагивало. Я вжал его голову в постель, он легко подчинился. И вот подо мной пятой точкой вверх полностью послушный Никита. Шикарнейшее зрелище!

И тут у меня в голове будто переключатель щёлкнул. Я пытался его «сломать» и получал от этого удовольствие! Задыхаясь, я зашёлся слезами. Никита тут же поднялся, прижимая меня к себе, обнимая.

— Ш-ш-ш... Всё хорошо. Всё в порядке, — прошептал он, поглаживая меня.

И я помаленьку успокоился. Потому что голос брата был хоть и хриплым, но спокойным. Посмотрел в его лицо. А это было нелегко, мне, чёрт подери, было стыдно! Никита был расслаблен и невозмутим.

— С тобой точно всё в порядке? — нашёл я в себе силы спросить.

Никита улыбнулся как-то смущённо, но взгляд не отвёл.

— Похоже, это я мазохист. Просто попросить тебя ни о чём подобном не догадался, вот от нереализованного желания быть тобой «наказанным» на тебе же и срывался. С другой стороны, для тебя это действительно слишком, — на последних словах он нахмурился.

— Посмотрим. Но имей в виду, если меня опять переключит, сам будешь виноват в последствиях.

Он мазохист, видите ли! Наверное, это семейное.

— Буду, — ответил он и застонал когда я, прижимаясь к нему поближе, потёрся о его член.

Вот блин... Это у меня от шока всё настроение пропало, а кое-кто тут вполне готов. Будем заглаживать вину! Или лучше сказать зализывать?..

Как ни странно, эти «игры» успокоили нас с братом. Садизм как-то плавно перешёл в подчинение. Просто немного больше контроля со стороны партнёра, чем обычно. Я не провоцировал, Никита не срывался. Только мне не сразу удалось привыкнуть к подчинению брата, всё время казалось, что я перегибаю палку. Зато какой я шёлковый после таких «игр» становлюсь, любо-дорого посмотреть.

Правда, ревновать я его всё равно не перестал, хоть и появилась какая-то внутренняя уверенность, что он принадлежит мне. Так что легче всё же стало.

Вот и сейчас наглые прилипания Иры к Никите меня выбесили. Его, между прочим, женщины интересуют, а она об него грудью тёрлась. Да я её задушу!

Конечно, она не тёрлась. Вернее, не специально. Просто опять висела на нём. А то, что ей уже не семь лет, и грудь у неё ого-го?! Про это она конечно забыла! Прибью.

— Никитушка! Ну, сделай мне блинчики! Ты же меня любишь! Правда? — нудила наглая захватчица чужой собственности.

— Ты глубоко заблуждаешься. Я тебя терплю ради Саши. Обойдётся без блинов.

— Ах, какая у нас любовь! Какие мы благородные. Мог бы и блины сварганить, раз уж расщедрился меня потерпеть. Или ты не настолько любишь братика? — сдаваться без боя было не в правилах Иры.

— Саша, ты блинов хочешь? — обратился Никита ко мне, решив, видимо, прекратить споры.

— Э, нет! Ты сам должен решить. Что, так сложно?

— Не вижу ничего сложного. Всё очевидно, — с этими словами Никита удалился на кухню.

— Ес! — ликующе вскинула кулак Ира.

Я спокойно продолжал смотреть телек.

— Кстати, Сань, ты понял, что твой братик только что сказал?

— Что пойдёт делать тебе блины? — безразлично уточнил я.

— Вообще-то, что любит тебя?

— Когда это? — офигев от такой новости, переспросил я и стал лихорадочно припоминать их с братом разговор.

— Когда сказал, что «всё очевидно», — слышался от двери голос Никиты. А я только и мог, что молча наблюдать за его спокойным приближением. — Какие блины ты хочешь? С картофелем и грибами?

Пришлось кивнуть, потому что голос не слушался, да и суть вопроса я не уловил. Ведь только что он признал, что любит меня! Не то, чтобы я этого не знал, но Никита моих догадок так буквально не подтверждал. Я сидел в ступоре, пока Никита не наклонился чтобы меня поцеловать.

— Ну, хватит! Я голодная, между прочим, — заныла Ира.

— Я тоже голоден! — возмутился брат и, склонившись к моему уху, спросил шёпотом: — Поделишься своим «молоком»?

Я непонимающе посмотрел на него. В глазах Никиты черти разве что только не отплясывали румбу. Поймав взгляд, он многозначительно кивнул на мой пах.

Я же криво улыбнулся. А ведь если подумать, для меня всё началось с разлитого молоко. Все неприятности, настоящее узнавание брата, горькое, выстраданное счастье любить и быть любимым. И пусть кто-то скажет, что всё, что у меня есть неправильно. Я отвечу, что это всё, что мне нужно.

© Copyright: WILLow_W, 10.10.2010